

Анастасия
Такки

МОЯ
НИС
НО
БЕЦ

ТАЙНА ГРОМОВИКА

12+

Анастасия Такки

Молниеносец. Тайна Громовика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649733

SelfPub; 2021

Аннотация

В тринадцатый день рождения паренька по имени Яромир случается конец света. Погасло солнце, а вместе с ним скоро угаснет и жизнь на земле. Люди давно перестали заботиться о планете, разучились жить в ладу с природой и уважать стихии. Мир погружается во мрак и панику. Но Яромир не теряет надежды, а главное – находит способ заручиться поддержкой разгневанной стихии и древних богов, чтобы всё исправить. На это у него всего один день. И в помощь лишь загадочный медальон неземного происхождения, друг-интеллектуал Пашка по кличке Профессор и странноватый дедушка, который на самом деле не тот, кем он кажется...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	43
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	60
Глава 10	70
Глава 11	75
Глава 12	82
Глава 13	87
Глава 14	92
Глава 15	98
Глава 16	102
Глава 17	106
2	

Анастасия Такки Молниеносец. Тайна Громовика

Глава 1

Хм, с чего бы начать?

Как вообще ведутся все эти дневники? Никогда этим не занимался, если честно. Даже пост нормальный в Инстаграм не могу написать, а тут целую историю надо рассказать.

Ну, допустим, начну так: привет, меня зовут Джем.

Я не актёр из рекламы консервированных фруктов, а обычный тринадцатилетний школьник. И, конечно, родители, дали мне другое имя. Зато такое, что нарочно не придумаешь! То ли за модой на редкие детские имена погнались, то ли дед мой, любитель древности их надоумил – не знаю. Но умудрились они назвать меня Яромиром. Как хочешь, так и живи с таким именем!

Вот у меня друзья: Пашка, Сёма – всё понятно. А тут я весь такой – Яромир! И как по-дружески ко мне обратишься: Ярик? Мирик – обхохочешься!

Словом, это имя никогда мне не нравилось. Зато мне все-

гда нравился клубничный джем, который каждое лето готовила моя бабушка. Уже два года её нет с нами, а я всё ещё помню вкус её джема. Откроешь такую банку зимой и кажется, что оттуда на тебя просто выпрыгивает солнечное лето. Вот и придумал себе кличку в память о бабушке.

Кстати, моя история тоже в какой-то мере тоже про банку. Но не с джемом, а с кое-чем поважнее. Я её никому не рассказывал. Не хочу, чтобы все всполошились и стали приставать ко мне с расспросами. Сокол порывался сделать это за меня, но я знаю, что никто не воспримет его всерьёз. Он очень умный. Именно поэтому его слова звучат как несусветная чушь. Только я его понимаю. И вы поймёте, когда познакомитесь с ним.

Так вот, я решил, что ни мне, ни Соколу никто не поверит. Поэтому пишу свою историю здесь, в дневнике. Вдруг лет через пятьсот люди найдут его и прочтут? Всегда интересно узнать, что творилось в древности. Но вам повезло – вы всё узнаете раньше моих далёких потомков. Так что, большая просьба, перепишите эту историю 20 раз и разошлите друзьям и увидите, что случится через 20 минут... Шучу! Просто прочтите. И поверьте, всё это – чистая правда.

Вы слышали о конце света? Я слышу о нём регулярно. Наша географичка Изольда Константиновна просто обожает разговоры на эту тему. Ребята из класса говорят, что она посещает все собрания экологов нашего района и участвует в

разных маршах и пикетах против строительства новых промышленных предприятий или вырубки леса. Поэтому всякий раз, когда ей в голову приходит светлая мысль снабдить нас информацией об одной из грядущих мировых катастроф, она открывает классный журнал и вылавливает там имя несчастного, который к следующему уроку должен принести очередную презентацию. Про ледники Антарктиды, которые тают с космической скоростью. Или про растущий уровень мирового океана, который грозит затопить минимум 30% суши. Про беспокойную земную магму, несущую извержения вулканов и страшные разрушения. А то можно про летящие в глубинах космоса астероиды, вроде кометы Галлея, которая возвращается каждые 75 лет и рано или поздно шарахнет нашу планету, а мы все выйдем как динозавры. Короче, что ни тема, то сценарий мрачнее некуда.

Не раз ноготь Изольды Константиновны упирался в моё имя в классном журнале. Это означало одно – сегодняшний вечер я проведу не с ребятами в скейтпарке, а в компании разговорчивого Гугла и маминогo старого ноутбука, в клавиатуре которого отсутствует буква Р. Признаться, раньше мне это не мешало. Для игр вполне хватало других кнопок, но только благодаря забавной картавости нашего компа, я на практике понял сколько много в русском языке слов с этой проклятой буквой Р!

Словом, я и наш 7Б был лучше всех осведомлён о конце света.

И всё же, когда он случился, настоящий конец света, никто не был готов.

Хорошо помню тот день. Он был, как специально запланирован на мой день рождения. Ничего так сюрприз, правда?

Я проснулся раньше обычного. Мог бы поспать, суббота всё-таки. Но мне совсем не хотелось валяться. Я смотрел на белые солнечные ромбы, ползущие по потолку от самого окна и улыбался до ушей – мне 13! «Thir-tee-n», – тянул в моей голове голос учительницы по английскому. Теперь я стопудовый тинейджер, и ребята из велоклуба, которые тусуются неподалёку от нашей площадки скейтбордистов перестанут считать меня малышнёй.

Я встал и подошёл к намозолившему мне глаза и давно выцветшему картонному ростомеру с дельфинами, которым родители изуродовали стенку в моей комнате ещё лет семь назад. Посмотрел сверху вниз на последнее деление и сорвал его вместе с куском обоев. Преступление? Да! Но мне сегодня всё можно – я взрослый.

На кухне уже хлопотала мама – именинный торт нужно начать готовить с самого утра.

– Ах, ты, мой именинник! С днём рождения!

Она обхватила мою голову и три раза горячо поцеловала в затылок.

Вошли отец с дедушкой. Дедушка тоже меня обнял. Но я знал, чем в такие дни это заканчивается и отскочил на шаг

назад. Вовремя, потому что он уже потянулся к моим ушам.

– Дед! – остановил его я. – Хватит твоих архаичных штук-чек!

Дед засмеялся.

– Ты посмотри, как заговорил! – подмигнул он отцу. – Не в бровь, а в глаз! И правда, очень архаичная штучка, сынок. Ещё в древней Руси старшие из рода тянули маленьких детей за уши, чтобы вытянуть из нижнего мира Нави в земной мир Яви. Тянули несколько раз, чтобы оборвать связи с духами, – пояснил дед и снова потянул ко мне руки.

– Эй, убери свои медвежьи лапы! – засмеялся я, уворачиваясь. – Тут ключевое слово – маленьких. А я давно уже в мире Яви, отстань!

Мать с отцом засмеялись в голос. Да и дед не выдержал, махнул на меня рукой:

– Медвежьи лапы, значит? – Ну, я тебя ещё поймаю!

Дед у меня классный. С седой бородой и хитрыми глазами.словно с картинки из русских сказок сошёл. И руки у него сильные, жилистые, а ладони крупные, как у плотника или пахаря. Обнимет от души – рёбра так и трещат – поэтому я называю его объятия медвежьими. Он не обижается, только если в шутку.

Сколько деда помню, всегда разные книжки читал про древнюю Русь и традиции наших предков. Как сядет рассказывать про расселение пращуров по всему миру, или про старинные культы и обычаи, или про древних богов – заслу-

шаешься.

Я вырос на его историях, и мои друзья всегда в восторге от витиеватых, почти былинных речей деда. Поэтому и в этот раз, едва дверь отворилась, и весёлая гурьба моих одноклассников ввалилась в дом, слышались радостные приветствия старому лису, а вовсе не мне любимому. Их можно понять. Присутствие деда в доме означало, что после праздничного обеда всех ждёт яркий спектакль с ним в главной роли.

– Дед Гриша, про кого сегодня расскажете? – спросил Пашка по кличке Профессор, с которым мы дружим с детского сада.

– Про меня! – засмеялся я.

– И про тебя, конечно, – подтвердил дед.

Мы дружно уселись за стол.

– Джем, а чем угощать будешь? – поинтересовался Сёма, большой любитель поесть.

– Тортом! С джемом! – парировала мама из кухни.

Лиза нахмурилась.

Я не люблю, когда она хмурится. Такие девочки должны всегда улыбаться. Хотя, Лиза красивая даже когда плачет. Я один раз видел, как она плакала из-за Кота, длинного восьмиклассника Валерки Котова. Он всё время толкается возле Лизы и делает ей всякие гадости: то лягушку в портфель засунет, то открытый тюбик зубной пасты туда подложит. Подлая личность!

В последний раз, когда Кот довёл Лизу до слёз, я не выдержал и врезал ему. Просто не мог не врезать. А Коту хоть бы хны. Он повернулся ко мне... А дальше я только звёздочки помню. И это прямо на глазах у Лизы!

– Герой! – услышал я сквозь звон в ушах его противный басок.

Может и не герой, а Лиза всё равно со мной дружит. И я смогу защищать её. Обязательно!

– С днём рожденья тебя! С днём рожденья тебя! С днём рожденья, с днём рожденья, с днём рожденья те-е-ебя! – пропели хором мои гости, когда мама внесла торт с зажжёнными свечами.

Я задул свечи.

– Ты загадал желание? – спросила Светка, лучшая подруга Лизы.

– Нет, конечно, – небрежно ответил я. – Зачем?

– Это самый важный день в году, – сказала Лиза. – Нужно загадывать самые важные желания.

Ну конечно, я загадал. Просто не хотел, чтобы девчонки знали. Хотя, им почему-то важно знать такие подробности. Они верят во всякую магию и чудеса. Им кажется, что желание, загаданное в день рождения, обязательно сбудется. Но моё не сбудется. Я специально такое загадал! Мы с Пашкой решили проверить бредовую девчачью теорию с желаниями. Это научный подход: выдвинуть гипотезу, а потом подтвердить её или опровергнуть. Я был настроен опровергнуть, а

Пашке досталось доказать. Ха-ха, не повезло парню! Ну ничего, мы же учёные и должны приветствовать любой опыт.

– Всем внимание! – раздался торжественный тон отца. – Сейчас будет вручён главный приз виновнику торжества!

Посреди комнаты появилась большая коробка, завёрнутая в яркую упаковочную бумагу.

– Интересно, что это? – шепнул Пашке Сёма.

– Без предположений, братцы! – шутливо запретил отец. – Пусть Яромир сам оценит подарок.

Я сорвал небольшой кусок обёртки и сразу понял, что в коробке.

– Вау! Это же самый настоящий...

– Та-да! – пропел отец в ладони трубочкой.

– Телескоп! – крикнул я.

Я поверить не мог, что у меня теперь есть настоящий телескоп. Теперь я воочию увижу Сатурн и Марс, а на Луне, наверное, смогу рассмотреть всё-всё, даже шаги Армстронга¹!

– Это телескоп с ручной настройкой, – с лёгким разочарованием сказал Пашка. – Я видел такие крутые модели с пультом и всякими дополнительными гаджетами.

– Вся ваша электроника – дело ненадёжное, – вставил дедушка. – Вон поставили всего месяц назад тарелку спутниковую для цифрового телевидения, а она ни дня нормально

¹ Нил Армстронг – американский астронавт, первый человек, ступивший на Луну

не работала. Всё загружает какие-то обновления из Интернета. Куда лучше обычная антенна!

Я не обращал внимания на их болтовню. У меня теперь есть телескоп!

– Только чур договоримся, – сказал мне отец. – Никаких исследований космоса пока не сдашь экзамены. Через две недели – сколько угодно, договорились?

– Хорошо, – согласился я. – Только сегодня один разок посмотрю, ладно?

– Ну, сегодня – святое дело! – улыбнулся отец.

Потом все весело ели торт, смеялись, болтали о том, о сём. А я украдкой смотрел на коробку в углу комнаты. Мой телескоп, конечно, был не такой большой как в Планетарии. Мы были там с классом на экскурсии в прошлом году. Я увидел его и сразу понял – хочу себе такую же штуку. Маме сказал, что готов отказаться от нового телефона, лишь бы телескоп купили. Отец сразу меня поддержал. Он в детстве тоже мечтал о телескопе, но родителям такие игрушки были не по карману.

Мой телескоп маленький, но я знал, что все равно звезды с ним станут ближе.

Дождаться не мог, пока друзья разойдутся по домам, чтобы остаться наедине со своим подарком, но они, как назло, всё жевали и жевали мамин бесконечный торт.

Даже солнце не спешило уходить за горизонт. Глядело на

меня сквозь ажурные занавески, словно посмеиваясь над моим желанием бросить всё и всех и рвануть в свою комнату в компании телескопа.

Но вдруг, небо потемнело. Набежали облака, тяжёлые, грозовые. Где-то внизу загрохотало. М-да, с такой густой облачностью на звёзды мне сегодня не полюбоваться.

– Вот тебе раз, – сказала мама. – А у меня полная машинка мокрого белья. Где буду сушить?

– Дед Гриша, а когда вы свою сказку расскажете? – спросила Светка.

Дед довольно побряхтел – его выход.

– Так вы сказку хотите или правду? – лукаво спросил он.

– Правду, конечно, – сказал Пашка. – Судя по вашим рассказам, в древние времена, боги давали людям разные блага или гневались на них. Но ведь наши предки не знали наук и технического прогресса, поэтому верили, что кто-то на небе зажигает солнце. А на самом деле, всё проще простого: солнце не гаснет и не зажигается. Оно вращается вокруг земли и горит всегда. Просто с отдельных частей света его не видно в определённый момент.

– Думаешь, твои современные знания и технический прогресс чем-то помогут, если ты в Тайге на недельку останешься без телефона и зажигалки?

Пашка хмыкнул.

– Или людям удалось укротить цунами? – спросил дедушка. – Тысячи лет они объясняют и укрощают силы природы,

но удалось ли им это хоть на десять процентов изучить их? Зато сколько вреда планете принёс твой технический прогресс!

– Это правда, – тихо сказала Лиза. – Изольда Константиновна говорит, что у планеты живое сердце. Ей так же больно, как и нам, людям. Она болеет от всех этих загрязнений и экологических катастроф.

– Мы с Пашкой эко-робота в кружке собрали, – сказал я. Давно мечтал Лизе похвастаться. Она очень переживает за экологию планеты, дома мусор сортирует: пластик в один пакетик, алюминий – в другой. Ребята в классе тихонько подсмеиваются над ней, типа, странная. А я наоборот считаю, что Лиза молодец. Тоже хочу начать так делать и Пашку убедить.

– Что за эко-робот? – заинтересовался отец.

Я уже открыл рот, чтобы начать рассказ, но в этот момент грянул такой сильный гром, что, казалось, крыша вот-вот треснет.

Отключилось электричество. Девчонки завизжали. Они вообще визжат по любому поводу, трусихи.

– Спокойно, девочки, – сказал отец. – Сейчас мы всё уладим.

Он встал и пошёл на кухню.

В темноте засияли экраны телефонов, стало светлее.

Дождь за окном усилился.

– Ну что, король прогресса, – дедушка шутливо потрепал

Пашку по плечу. – Что теперь будем делать?

Отец принёс из кухни свечи. В комнате сразу стало уютнее от их тёплого света.

– Приветствую тебя, всесильный огонь, Сила Перуна²! – торжественно сказал дедушка и поднёс руки близко-близко к пламени.

– Это что ещё за Перун такой? – поинтересовался Сёма, не потерявший во внезапно наступившей тьме интерес к тарту.

Снова грянул гром и в небе сверкнуло голубое лезвие молнии.

– Прекрати, Сёма! – Светка отвесила ему лёгкий подзатыльник. – Это бог грома и молний. – Зачем ты его сердишь?

– Точно, Сёма, – подколот Пашка, – а то как шархнет своей молнией в твой новый велик и хана ему!

– Да ну вас! – отмахнулся он. Но торт жевать перестал.

– Верно девица говорит, – сказал дедушка. – Перун грозный бог. Огонь земной и небесный в его власти. Издревле люди уважали его и благодарили за тепло в своих очагах, за храбрость в своих сердцах.

– Так люди, вроде, боялись его, – уточнил Пашка. – при чём тут храбрость, дед Гриш?

– Храбрость – это тоже огонь. Только горит он в сердце, – пояснил дедушка. – Перуна почитали воины, помолвившись ему, шли на войну.

² Перун – бог-громовержец в славянской мифологии. Имя Перуна возглавляет список пантеона богов князя Владимира в «Повести временных лет»

– А злость – это огонь? – спросила Лиза, подсаживаясь ближе к дедушке.

– Это разрушающий огонь. Он в первую очередь человека разрушает изнутри. Злость, она как лесной пожар, не знающий где остановиться.

– И Перун злится на людей? – уточнила Лиза.

Дедушка вздохнул.

– Бывает и такое. Сегодня точно разозлился. И Стрибог – бог ветров с ним. Слышите?

Дедушка умолк и все прислушались. За окном бушевала настоящая буря. Порывы ветра налетали друг на друга, как дерущиеся коты, бились о стены и оконные рамы, выли, гудели в каминной трубе.

У Сёмы зазвонил телефон. Это была его мама. Она спросила не забрать ли их с ребятами прямо сейчас, чтобы развести по домам. Гроза, кажется, затягивается, на улице совсем темно – не стоит Сёме ехать домой на велосипеде.

– Я оставляю у тебя велик? – спросил меня Сёма. – Утром зайду забрать.

Я кивнул.

– Только поставь его под крышу, – попросил Сёма. – Он совсем новый. Я всего пару раз на нём катался, жаль, если заржавеет.

– Да угомонись ты, – сказал я. – Ничего с твоим великом не случится.

Настроение было припаршивое. Гроза украла последнюю

надежду полюбоваться звёздами. Кто знает, сколько продлится эта буря.

В последние годы такие бури участились. Иногда непогода бушевала целыми днями. Мы смотрели новости по телевизору и ужасались: в странах, где сроду не было снега, бушевала метель; целые города заливали ливни, а в других местах прежде плодородные земли превращались в пустыни, а неизбежная эрозия почв приносила целые облака пыли с Африки на цветущий Кипр и греческие острова. То тут, то там мелькали новости о катастрофическом засорении озёр, рек и морей, о бедственном положении целых видов животных. Не знаю почему, но сегодня всё это постоянно крутилось в моей голове. А что, если дедушка прав и силы природы уже бунтуют против нас? Что, если всем богам всех мировых религий надоело смотреть на наши ошибки, и они решат расправиться с очередной цивилизацией?

Я ушёл в свои мысли и не заметил, что разговор за столом продолжается без меня.

– Ты не веришь в это, Пашенька, – сказал дедушка, – потому что считаешь – коли не видел чудес своими глазами, то их и не существует, так?

– Так.

– А посмотри-ка на свою футболку, – дедушка лукаво прищурил один глаз. – Что у тебя тут нарисовано?

Пашка слегка смутился.

– Ну, Бэтмен.

– Сверхчеловек то бишь, – продолжил мысль дедушка, – который летать умеет, воин отличный, долго не стареет, так?

– Ну и что? К чему вы клоните, дед Гриша?

– А к тому! В Бэтмена ты, стало быть, веришь, а в наших героев – нет?

– Да не верю я в Бэтмена, – смутился Пашка. – Просто он крутой и современный. А ваши герои, дед Гриша – древние, их и не знает уже никто. Куда им со своими мечами против пушек бегать?

– Вот и плохо, что не знают, – настаивал дедушка. – Своих героев, культуру свою не знают, а зарубежных – пожалуйста!

– Да-да, герои в гимнастических костюмах! – подлил масла в огонь отец.

Пашка насупился.

– Запомните ребята мои слова, – обратился дедушка к нам всем. – Никакой Бэтмен вас спасать не прилетит – ему на своей земле найдётся кого спасти. А нам нужно свои корни знать, своих богатырей растить-воспитывать. Вон вы какие мбодцы, – он обвёл нашу компанию своими крупными ладонями. – Разве не герои?

Отец по-богатырски приосанился и покрутил ус. Мама засмеялась.

– А ты, Пашенька, знай, у героев нет возраста и срока годности. Древние воины примером для современных будут. И в тёмный час придётся вам, молодым, силой предков ваших

воспользоваться. Так и в пророчестве написано...

В дверь позвонили.

Пашка поспешно засобирався. Видно, надоело ему спорить с дедушкой. Сёма и Светка последовали его примеру.

На пороге стояла Сёмина мама с раскрытым зонтом, по которому водопадом бежала вода.

– С днём рождения, везунчик! – поздравила меня она. – Не расстраивайся, дождь в день рождения – признак большой удачи.

Я пожал плечами. Да уж!

Лиза ненадолго задержалась. Было видно, что слова дедушки встревожили её. Пока я затаскивал под крышу Сёмин драгоценный велик, она подошла к деду.

– Дед Гриша, а что это за пророчество такое?

Дедушка ласково посмотрел на неё.

– Ты, лапушка, не волнуйся. Не девичье это дело такими вещами голову забивать. Позволь суперменам делать свою работу.

Мне показалось, что Лизе не понравился дедушкин ответ. Она обиженно поджала губки, но кивнула ему из уважения.

Я кое-что помнил о пророчестве, которым дед напугал Лизу. Когда-то давно он показал мне старую книгу, которую ему передал его дед, а тому – дед деда и так далее. Обложка потёртая, в тексте тут и там мелькают старинные буковки–крестики «ять». Там что-то говорилось о древних буковых табличках с руническими письменами, которые описывали

историю славянских народов за много тысяч лет. Мне было лет шесть, но я до сих пор помню некоторые отрывки ни то летописей, ни то былин в этой книге. Дедушка читал мне их на ночь, как сказки. Что-то додумывал, безусловно, приукрашивал, но поучалось безумно интересно. Часто я засыпал на середине истории и прямиком переносился в прошлое, шёл в поход вместе со святорусами, катался на небесной колеснице со златокудрым Даждьбогом, которого греки зовут Аполлоном, обрушивался огненным водопадом с небес на землю вместе с крылатым псом, в которого перевоплощался великий воин и славянский бог-вестник Семаргл. Даже великий князь Владимир, крестивший Русь, носил на щите изображение Семаргла. Думаю, те рассказы, которыми дедушка пленял сейчас умы моих товарищей, он брал из той книги и череды ей подобных, которые занимали добрую половину его библиотеки.

Ребята ушли. Едва дверь за ними затворилась, как по волшебству включилось электричество.

– Правильно, хорош на сегодня сакральных посиделок ордена древних витязей, – пошутил отец и задул свечи. – Даёшь прогресс!

– А ну вас, неверующие, – махнул рукой дед. – Вам бы всё смеяться над стариками.

– Пап, иди, я тебе постелила в комнате Ярика, – сказала деду мама.

– Мам, ты обещала после дня рождения перестать называть меня этим щенячьим именем!

– Я соврала, – кокетливо сказала она. – Для меня каждый твой день рождения как первый.

Ох, уж эти мамы! Никак не могут привыкнуть к тому, что мы вырастем.

Я отправился готовиться ко сну.

За окном снова бабахнуло. Сверкнула молния, разрезав небо до самого горизонта.

Неужели гроза будет продолжаться всю ночь? Моя комната находится в мезонете, и спать там в грозу – не самое приятное дело. Так и чудится, что молния зарядит прямо в конёк крыши над твоей кроватью.

Пришёл дедушка. Бородатый, краснощёкий от умывания холодной водой, в клетчатой пижаме. Я стал устраиваться на диване.

– А ну, марш в свою кровать, – скомандовал он.

– Тебе же неудобно будет на диване, дед!

– Думаешь, когда я на охоту хожу, то тащу с собой пуховую перину в землянку?

– Я и забыл, что ты экстримальщик, – пошутил я.

– И тебе бы не мешало со мной в следующем году пойти.

– Обязательно, – соврал я.

Мы погасили свет и легли в свои постели.

Но мне совсем не хотелось спать. За окном всё ещё сверкало, но дождь кончился, и гром больше не гремел. Слыш-

но было только как сбегает по тротуарам потоки воды, буль-
кая в жерлах захлёбывающихся канализационных люков. Я
смотрел в окно на абсолютно чёрный клочок неба.

Но что это?!

Я встал с кровати, подошёл к окну.

– Ты тоже не видишь её? – неожиданно спросил из тем-
ноты дедушка.

Глава 2

Да, я не нашёл её. Сколько не искал. Сто раз убедился в том, что небо безоблачно. Россыпи звёзд мерцали холодным безразличным сиянием, словно свидетели, подтверждая мой странный вывод. Луны не было.

Ещё вчера ночное небо украшал её жемчужный диск с едва неполной кромкой слева. Сегодня должно быть полнолуние. Именно поэтому руки у меня чесались скорее заняться своим главным деньрожденческим подарком и рассмотреть луну во всех подробностях. Но её словно стёрли ластиком с ночного неба.

Я сбегал вниз в гостиную и притащил коробку с телескопом. Достал инструкцию и стал собирать.

– Не знал, что это случится так скоро, – проговорил бабушка, – его лицо, всегда лучащееся улыбкой, было сурово.

– Что случится? – спросил я, не отрываясь от работы.

– Пророчество, – коротко ответил дед.

«Опять он о своём, – с досадой подумал я. – Нельзя же всерьёз носиться с древними легендами и примерять их к любому событию!»

Я закончил сборку и торопливо установил телескоп возле окна.

Дед молчал, словно ждал от меня вопросов. Но я хотел

одного – убедиться в том, что мои глаза мне соврали. Говорят, «не верь глазам своим», и это чистая правда, но я был уверен – техника точно не обманет.

Всё проверил: штатив закреплён надёжно, фиксаторы поворота по осям в порядке, противовесы в норме, искатель – есть.

Я приник к окуляру и стал двигаться по ночному небу. Звёзды, как любопытные девчонки, одна за другой заглядывали в искатель, но мне до них не было дела. Я искал лик луны. Пусть условный, мутный, едва заметный за случайной тучей.

– Тебе лучше меня известно, что полной луне не утаиться за тучей, – сказал дедушка, словно читая мои мысли. – Она столь сильно отражает свет солнца, что облачность ей не помеха, ты всё равно увидишь её ореол.

Страх подкрался к моему сердцу.

Дедушка зажёл прикроватную лампу, взял с тумбочки пинг-понговый шарик и показал его мне.

– Луна не имеет собственного свечения. Поэтому у неё есть вечная теневая сторона. А светлая сияет только благодаря солнцу. Именно поэтому люди испокон веков изображают их вместе. Луна без солнца – просто мячик для пинг-понга.

– Дед, зачем ты мне всё это говоришь? – раздражённо спросил я. – Я и так это всё знаю!

Но внезапно я понял к чему дед клонит.

– Ты хочешь сказать, что солнце... – я не смог закончить.

– Да, – дедушка аккуратно положил мячик назад к теннисным ракеткам. – «Когда минет одна тьма³ и люди вновь забудут языки птиц и зверей, трав и цветов, когда перестанут слышать ветер, воду и уважать огонь; когда в заботе о своих благах отринут заботу о матери Земле, – могучий Стрибог задует в свой рог всеми ветрами и укутает небо тучами, полными вод небесных. Перун громовержец обрушит на головы несчастных дождь из огненных стрел. И все четыре лика небесного светила, питающие жизнь, отвернутся от людей. Больше не взглянет в их сторону ни юный Коляда, ни молодой Ярило, ни зрелый Купайла, ни даже мудрый Световит...»

Мы лишились солнца?! Не может быть – какая-то древняя сказка взяла, да и сбылась!

Я торопливо включил компьютер – надо посмотреть, что происходит в мире.

– Пользуйся Интернетом пока можно, – поддержал дедушка.

– Что ты имеешь ввиду?

– А то же, что и сегодня говорил: весь ваш технический прогресс выеденного яйца не стоит, если силы Природы против играют. Вот рассуди сам, спутники на орбите земли: телевизионные, метео и сотовой связи на чём работают?

– На солнечных батареях, – бойко ответил я и осёкся, –

³ Тьмой в древней Руси называлась мера в 10 000 единиц. Отсюда: тьма народу – 10 000 человек. В данном случае имеется ввиду 10 000 лет.

Значит, если солнце больше не светит, всё это перестанет действовать?

Дедушка кивнул.

– Перестаёт. А там дальше по списку: связи нет – останавливается сообщение между людьми, странами, континентами...

Дедушка продолжал говорить, но я отключился от разговора, точно испорченный спутник. Я хорошо знал, что следует дальше: паника, черед экологических катастроф, голод. Передо мной мелькали страшные картинки ядерной зимы, – все последствия которой в точности подходят для нынешних обстоятельств. Я знал, что без солнца, в плотной завесе облаков, земля станет превращаться в холодную тюрьму: влажность будет расти день ото дня, а температура падать, во тьме перестанет идти фотосинтез в растениях, леса станут медленно погибать. Как следствие, уменьшится содержание кислорода в воздухе, вызывая у людей гипоксию⁴, начнутся болезни и мор.

Очнувшись от размышлений, я виновато посмотрел на деда – я совсем его не слушал. Но к моему изумлению, дед глубоко спал. Мне не раз приходилось видеть, как он засыпал на полуслове, но сейчас, – как он мог уснуть?

Дед – ходячая энциклопедия и много мог бы объяснить,

⁴ **Гипоксия** – пониженное содержание кислорода в организме или отдельных органах и тканях. Гипоксия возникает при недостатке кислорода во вдыхаемом воздухе, крови (гипоксемия) или тканях (при нарушениях тканевого дыхания). Источник: Википедия

но я не стал будить его. Сейчас надо по максимуму использовать Интернет. Неизвестно как долго спутники смогут использовать уже накопленную энергию, чтобы транслировать сигналы: день, полдня, несколько часов? Надо использовать это время максимально эффективно.

Я решил позвонить Пашке. Мне хотелось поделиться с ним, посоветоваться, решить, что делать дальше. Он же Профессор, гений техники! Готов спорить, что мой друг из тех чокнутых, кто повзрослев, мечтает изобрести методику переселения своего духа в какое-нибудь техническое изобретение на вечном источнике энергии . Или на худой конец уподобиться Дарту Вейдеру из «Звёздных войн», но без деструктивных замашек тёмного властелина мира.

Я набрал номер Пашки. Долгие гудки. Спит, зараза! Вот вечно он до трёх ночи сидит в Инете, а сегодня устал, видите ли! Неужели интеллектуальная дуэль с дедом его так уморила?

Я взглянул на старого ведуна. Дед мирно похрапывал на диване.

За окном опять послышались отдалённые раскаты. Звёзды стали исчезать за плотным слоем облаков. Гроза сделала круг и вернулась.

Я открыл поисковик в Интернете и забил: «луна исчезла с неба», нажал «поиск».

Ничего.

Как это? Никто ничего не заметил?!

Спокойно. Рассуждаем. В нашей части света сейчас ночь. Я взглянул на часы – 2:30. Возможно, не все рассматривают небо по ночам. А гроза, судя по словам деда, гуляет по планете и скрывает за облаками правду. Ай да парочка Стрибог да Перун!

Молния сверкнула где-то совсем рядом. Раздался гром.

– Простите, – вырвалось у меня. Уж если страшная сказка становится былью, то не стоит злить тех, кто к этому причастен.

Я зашёл на свои странички в соцсети. Друзья постили глупые селфи, изуродованные Снапчатом: то с кошачьими ушками или кроличьими носиками, то с радугой вместо волос и прочей ерундой, способной превратить знакомые мне лица в их странные мультяшные подобия. Кто-то выкладывал танцующих пёсиков или снятые скрытой камерой приколы, над которыми и смеяться-то грустно.

А вдруг ничего страшного не происходит?

Вдруг это просто какой-нибудь небесный глюк? Или вообще мы с дедом всё нафантазировали? Завтра закончится буря и выглянет солнце.

Я захлопнул ноутбук и опустил голову на локти. Закрыв глаза всего на секунду и тут же провалился в глубокий сон.

Глава 3

Мне снилась Лиза.

Она выглядела грустной и уставшей. Лиза тоненькая и высокая, почти на полголовы выше меня. Но в моём сне она выглядела совсем худой.

Лиза сидела за столом в каком-то странном, плохо освещённом помещении. Перед ней стоял стакан с мутной жидкостью и тарелка с непонятного вида едой.

Я буквально видел, как Лиза дышит. Видел, потому что из ноздрей её изящного носика при каждом выдохе струился пар.

Внезапно она точно подавилась и закашляла.

– Лиза, что с тобой? – обращался я к ней во сне. – Ты заболела?

Но она не слышала и не видела меня, только продолжала глухо кашлять.

Я испугался – мне казалось Лиза вот-вот задохнётся.

Наконец, приступ кашля кончился. Лиза встала и подошла к окну, вместо штор завешанному тяжёлым ватным одеялом. Когда она отогнула край занавеса, я обомлел – оконные стёкла были покрыты морозным узором, а на подоконнике был плотный иней. Заиндепевшим было и погибшее растение в керамическом расписном горшке. Я узнал этот

горшок. Лиза сама расписывала его в гончарном кружке, а потом пересадила туда свою любимую камелию с ароматными, белоснежными, словно бы восковыми цветами. Теперь её цветущая любимица походила на скрюченный сухой куст, приукрашенный мертвенно-белым инеем.

Лиза подышала на замёрзшее окно, протёрла пальчиком крохотный глазок и всмотрелась в него. Но там ничего не было видно. Только непроглядная тьма.

Я сделал какой-то волшебный рывок и оказался на улице.

То, что я увидел, было похоже на печальную сцену из американского фильма про апокалипсис. Обледеневший город с мрачными зданиями и редкими, едва теплящимися в окнах огоньками света, с застывшими машинами и погибшими деревьями. И вокруг тьма, тьма, тьма.

Моё сердце заныло и заметалось в груди.

Я вновь сделал необъяснимое усилие и опять оказался в комнате с Лизой.

На этот раз она сидела на кресле, завернувшись в плед, и при свете тусклой керосиновой лампы рассматривала альбом с фотографиями.

Я подошёл ближе и заглянул ей через плечо.

Лиза смотрела на крупное фото, где она с семьёй проводит время на загородном пикнике. Её тоненький пальчик касался фотографии там, где объектив фотографа захватил кусок зелёной травы. Лиза гладила уголок фотографии, словно старалась вспомнить какая трава на ощупь. Её губы задро-

жали, и по щеке побежала слеза.

– Нет, Лиза, не плач! – закричал я. – Этого не будет! Всё это дурацкий сон!

Картинка внезапно пропала. Наступила темнота.

Я чувствовал, что плачу навзрыд.

Чья-то рука легла на моё плечо.

– Яромир, – позвал издали дедушкин голос. – Яромир, открой глаза.

Я поднял с локтей голову и мутными взглядом обвёл комнату.

В полутьме горела настольная лампа. За окном лил дождь.

– Сколько я спал? Полчаса?

Дедушка убрал с моего лба влажную чёлку.

– Сейчас утро, Яромир. – Восемь часов утра.

Я вскочил как ужаленный.

– Так всё это правда? Солнца нет? Это настоящий конец света?!

Дедушка промолчал – и это было хуже ответа.

Я открыл ноутбук и обновил страницу поисковика в Интернет.

То, что обрушилось на меня с просторов всемирной паутины, внушало настоящий ужас.

Все издания, телеканалы, соцсети кричали об одном: конец света наступил, мы больше не увидим солнца. Связь с некоторыми спутниками уже потеряна, а в самое ближайшее

время выйдут из строя остальные. Политики разных стран наперебой делали заявления, подозревали, а некоторые и открыто обвиняли друг друга в использовании нового оружия – ясно, что солнце не погасло, а его кто-то закрыл или ещё не весть что. Люди плакали, молились, прощались друг с другом... Такого ужаса я не мог себе представить даже в самом жутком ночном кошмаре.

Я схватил телефон и попытался снова позвонить Пашке.

– Абонент не обслуживается, – ответила запись голоса девушки-оператора.

Понятно. Его оператор связи уже накрылся. Интересно, насколько хватит моего?

Я обернулся к дедушке.

– Не хочу, чтобы Лиза заболела! – сказал я и не узнал собственный голос. – И чтобы трава исчезла! И чтобы мы пили мутную воду! И ядерную зиму не хочу! Я должен что-то предпринять!!!

Дедушка подошёл, взял моё лицо в свои руки и посмотрел мне в глаза.

– Пусть свет померк, но сердце твоё сияет ярче тысячей солнц!

Он развязал какой-то шнурок на шее и вытянул из ворота своей рубахи небольшой продолговатый медальон. Надел его на меня.

– Пусть он приведёт тебя к цели, – тихо сказал дедушка и направился к двери.

– Это всё, что ты скажешь?! – опешил я. – Что это значит?

Зачем мне этот медальон?

Дедушка остановился и повернулся ко мне.

– Я свою задачу выполнил. Теперь твой черёд, витязь – сказал он и вышел.

Глава 4

Я наскоро переоделся и спустился в столовую. Родители стояли посреди комнаты. Отец держал маму в объятиях и поглаживал по голове. Плечи её подрагивали.

– Что происходит, Слава? – сквозь рыдания спросила она. – Что это за ужас?

– Мало ли что может творить погода, – отец старался говорить спокойно. – Стихия побушует и успокоится. Не всё мы знаем о природе.

Я смотрел на него и удивлялся его стойкости. Глаза отца были суровыми, лоб прорезала скорбная складка, но он не сник, а держался прямо и словно крыльями оббивал руками мамины плечи.

«Таким и должен быть настоящий мужчина» – подумал я.

Отец пообещал маме, что солнце обязательно снова вернётся на небо и всё будет хорошо. И она успокоилась. Даже улыбнулась. Потому что если отец что-то обещает, то так непременно и случится.

Всё это время я стоял, не шелохнувшись. Во сне я видел плачущую Лизу, а теперь – плачущую маму. Если я ничего не предприму, не попробую что-то изменить, то лучше мне сгинуть прежде, чем я снова увижу эти слёзы!

Вот как выглядит настоящий конец света. Никаких тебе

гигантских цунами, падающих метеоритов или атаки пришельцев. Раз! И света больше нет. Изольда Константиновна себе такого представить не могла, а я и подавно.

– Ярик, – мама увидела меня, и слёзы снова хлынули из её глаз.

– Нет, мамочка, не смей плакать, – попросил я. – Отец абсолютно прав – завтра ты снова увидишь солнце. Это просто какой-то странный космический катаклизм – бывает! Уверен, что такое время от времени случается на земле. Правда-правда! Мы проходили это в школе.

Мама улыбнулась сквозь слёзы. Сердце моё оттаяло.

– Садись, мой герой, буду вас завтраком кормить, – сказала она и растрепала мои и без того торчащие во все стороны волосы.

Я сел за стол и положил себе в тарелку кусочек именинного торта. Я и не распробывал его как следует вчера, потому что думал всё время о своём телескопе. Дурак! На кой чёрт он мне теперь!

– Дедушку позови, – попросила мама.

– Разве он не с вами? – удивился я.

– Нет, – ответила мама.

Я вскочил.

– Яромир, поешь, – попросила она.

– Возможно, он спустился в подвал, – предположил отец. – Сейчас придёт.

Но я не послушался. Обыскал весь дом, был в подвале,

сбегал в пристройку, где отец планировал летом соорудить баню. Деда нигде не было.

В дом я вернулся промокшим до нитки. На улице снова лило как из ведра.

– Он исчез, – констатировал я, представ перед родителями.

– Уехал, наверное, домой, – предположил отец. – Ты его «Запорожец» видел на улице?

Я готов был броситься проверять, но мама меня остановила.

– Не надо, – строго сказала она. – Уехал, значит уехал.

Отец нахмурился.

– Зря он. Сейчас лучше бы вместе держаться. Ливень за окном и темень эта странная...

– Он вернётся, – сказала мама. – Наверняка хочет что-то взять из дома. Он на зимовку один ходит в Тайгу за десятки километров от поселений, а ты переживаешь, чтобы он в дождь не потерялся.

Отец махнул рукой и вышел из-за стола.

– Пойду в гараже приберусь, – сказал он. – Уж конец света или нет – не известно, а порядок в доме никто не отменял.

Он ушёл, а я остался допивать остывший чай.

Как же не вовремя уехал дед! Мне так нужна была его помощь.

И медальон мне всучил, сказав только, что тот приведёт меня к цели. Что это за шарادا такая? Если он реально знал,

как остановить конец света, то почему говорит загадками? Куда проще точно сказать мне что делать.

Я вытащил из-за пазухи загадочный дедушкин подарок и стал его рассматривать.

Медальон как медальон. Из металла: серебро или что-то подобное. Каплевидный, с каким-то колесом посередине, с оборотной стороны просто ровный. Как он может помочь?

Мне хотелось рассердиться на деда, но я упрямо продолжал размышлять.

Да, старик у меня со странностями, мягко говоря. Если он дал мне эту штуковину, да ещё и смылся, значит, хочет, чтобы я всё сам разгадал.

Я вертел в руках медальон и не мог понять с какой стороны мне подступиться к разгадке. Эх, как бы мне Пашкин совет сейчас пригодился! Одна голова хорошо, а две – лучше.

В дверь позвонили.

Ага! Вернулся, старый лис! – предположил я.

Я сорвался с места и поспешил к двери.

На пороге стоял Пашка. Он был в отцовском плаще-палатке, по которому ручьями бежала вода.

– Пашка! – обрадовался я. – Как же ты кстати!

– Я пересмотрел свою позицию, – серьёзно сказал мой друг, переступая порог моего дома.

– Ты о чём?

Он аккуратно снял плащ-палатку и повесил на вешалку.

– О стихиях, – ответил он всё тем же серьёзным тоном –

ну профессор, ни дать, ни взять! – Твой дедушка был прав в некотором смысле. Я хотел бы принести ему свои извинения.

– Подождут твои извинения, – отмахнулся я. – Дед капитулировал с поля боя, так что нам с тобой предстоит спасти мир без него.

– За этим я и здесь, – ответил Пашка, аккуратно ставя в угол резиновые сапоги.

Я шутливо потряс его за плечи.

– Ах, ты ж, гениальный мой мороженный окунь! Всё ты правильно сделал!

Пашка самодовольно поправил очки.

– Айда ко мне в комнату, – сказал я. – Времени мало.

Глава 5

– Вот он, – я достал из-за пазухи медальон.

Пашка долго таращился на него, а потом попросил взять его в руки.

Я снял с шеи и передал ему дедовский подарок.

– Ау! Вот чёрт! – внезапно вскрикнул Пашка и выронил медальон.

– Ты чего? – удивился я.

– Я – чего?! – обиделся он. – Это ты чего не предупредил, что он жжётся?! Что за прикол?

Я поднял медальон и удивлённо уставился на него.

– Ты что дурака валяешь? Кто жжётся?

– Ты ничего не чувствуешь? – спросил Пашка. – Меня твоя штукovina током дёрнула!

Видя мою реакцию, Профессор быстро перешёл из гневного состояния в озадаченное.

Он протянул палец к медальону, который я спокойно продолжал держать в руке, и едва заметно тронул его.

Ау! Что б его! – снова вскрикнул Пашка. – Жжётся!

Я ничего не мог понять.

А Пашка тем временем перешёл от озадаченного состояния к новой стадии интереса. Его очки пытливно заблестели. И я знал этот блеск. Мой друг любит и ищет всё, что

заставляет его пройти три стадии исследовательского процесса: задуматься, разгадать и классифицировать. Дедушкин медальон с честью справился с первым уровнем, и всё существо моего друга теперь стремилось осилить уровень 2.

– Так-так, – не сводя глаз с медальона, начал он. – Давай-ка определим для начала, что это за металл.

– Серебро? – предположил я.

– Не думаю, – ответил мой друг. – Я предполагаю, что это олово.

Пашка почесал затылок.

– Понятно, что чистое олово неплохо проводит ток, – продолжил он. – Но ведь совсем не непонятно, где находится источник тока в твоём медальоне и почему меня он шарахнул, а ты его спокойно держишь.

Я пожал плечами.

Пашку вдруг осенило:

– Мы его сейчас вскрыем! У тебя есть резиновые перчатки? Я не хочу, чтобы эта штуковина меня снова шарахнула.

– погоди, – остановил его я. – Ничего мы вскрывать не будем. – Дед не для того дал мне медальон. Он сказал, что это поможет мне дойти до цели, а моя цель – вернуть солнце на небо или каким-то иным образом вернуть всё на свои места.

Пашка насупился.

– Здесь что-то другое, – продолжал рассуждать я. – Это некая загадка, ключ, как в компьютерной игре. Помнишь, мы играли в «The goom» – там были всякие тайные подсказки?

– Ну, и? – буркнул Пашка.

– Думаю, здесь дело в магии.

Пашка хотел возразить. Я видел, как в нём борется учёный и мальчишка, в глубине души свято верующий в супергероев.

– Покажи мне, что там на нём нарисовано, – попросил он.

Я поднял перед ним медальон.

– Колесо. Или вертушка какая-то, – констатировал Пашка. – Тебе знаком этот символ? Напряги мозги. Вспомни, что тебе дед в детстве рассказывал.

Я принялся гипнотизировать медальон.

В этот момент со стороны окна послышались лёгкие удары, словно на алюминиевый подоконник посыпался горох.

– Град? – спросил Пашка.

– Я встал и подошёл к окну.

– Не-а, тут, не поверишь, сорока сидит!

Друг подошёл ко мне.

– Какая здоровая! – подтвердил Пашка. – И не боится!

Птица крутила головой, глядя на нас то одним, то другим чёрным глазом. Дождевая вода глянцевым потоком лилась по её белым бокам и тёмно синему оперенью спины, делая её похожей на фарфоровую статуэтку.

В памяти цветными кадрами пронеслись воспоминания. Я увидел себя маленьким, лет пяти-шести, сидящим у деда на коленях.

– Деда, дай мне птичку!

– Держи крепко, – дедушка аккуратно снял с каминной полки фарфоровую птицу. – Это сорока. Многие считают её сплетницей, но на самом деле она – ВЕСТНИЦА. Услышишь сорочье стрекотание – знай, скоро что-то в твоей жизни изменится.

– Что изменится?

– Это только ей ведомо, – пожал плечами дед. – А ещё она возит по небу колесницу Перуна, когда он сходит на землю.

– Но эта сорока игрушечная, дед!

– Она не игрушечная. Просто застыла на время. Но когда придёт её час, она оживёт и полетит служить громовержцу.

Я очнулся от воспоминаний.

– Это птица Перуна, – сказал я Пашке.

Сорока громко застрекотала, словно подтверждая правоту моих слов.

– Чума! – удивился Пашка. – Ты хочешь сказать, что этот бородатый дядька из древнего мира реально прислал к тебе птицу, подавая тебе какой-то знак?

– Не знаю, – выдохнул я. – Но дед точно дал мне знак.

Я поднял медальон.

– Так, значит, у нас нет другого пути, кроме как проверить эту гипотезу, – согласился Пашка. – Давай-ка прогулим твоего Перуна, пока Инет не накрылся.

Глава 6

С каждой минутой, что мы проводили с Пашкой за чтением статей в Гугле, становилось всё очевиднее – жизнь сыграла со мной странную шутку: какая-то высшая сила отключила солнце, чтобы наказать человечество за безобразное отношение к природе, за злобу и ненависть по отношению друг к другу, за ложь и предательство, за жадность и прочие пороки, за которые обычно небо гневается на людей.

Всемирный потоп в своё время ненадолго решил проблему: оставшиеся люди призадумались, вернулись к богу и земле, но, по сути, просто притихли на время, давая высшим силам позабыть о своих преступлениях и неблагодарности.

На этот же раз боги нашли новый способ припугнуть род человеческий. Трудно рассчитывать на то, что на замерзающей планете кто-то вообще останется в живых. Или не одичает настолько, что сможет в полной мере обдумать своё дурное поведение и вернуться к первоначальному замыслу Творца – быть детьми на матушке-земле.

На этот раз все пальцы Судьбы, похоже, тычут в меня, как в единственную надежду на спасение. А я, хоть убей, не могу понять, чем так приглянулся Перуну и его начальству, кем бы оно ни было.

– А, вот и твоё колесо! – Пашка постучал пальцем по экра-

ну.

Я сравнил знак на экране с гравировкой на своём медальоне. Он самый.

– «Громовик – прочёл я. – Небесный символ. Охраняет Древнюю Вселенскую Мудрость Богов, изображается на воинских доспехах и оружии».

– Логично, – согласился Пашка. – раз в меня эта штука ударила током, то, возможно, это какое-то оружие?

– Не думаю. Дед сказал, что медальон укажет путь. Вроде указателя или стрелки, что-ли.

– Стрелка, говоришь? Ты гений, чувак! – оживился Пашка. – Вот, полюбуйся!

Я пригляделся к картинке на экране.

На ней был изображён златобородый богатырь в шлеме с крыльями и царском плаще, в руках боевой топор, а на бедре колчан со стрелами.

– Теперь понял? – спросил Пашка.

– Это наконечник стрелы.

– И не простой наконечник! – уточнил мой друг.

Его щёки загорелись азартным румянцем. Верный знак, он нащупал верный ход мысли. Пашка торопливо содрал с себя свитер.

– Наконечник оловянный. А олово – металл Перуна, – пояснил он.

– Так, – поддакнул я.

– Анализируем дальше, – продолжил Пашка и открыл но-

вую ссылку. – Зацени: слово «олово» имеет славянские корни и означает «белый», – прочёл он.

– Но мой медальон не белый, а довольно тёмный, – заметил я. – Скажи, а олово меняет цвет? Не зря же его наши предки белым назвали.

Пашка задумался.

– Хм, если я не ошибаюсь, олово может существовать в трёх состояниях. При низких температурах как порошок, – и он серый, при комнатной температуре – это серебристый металл, а при нагревании... Да! Он становится белым.

– Пашка! – радостно воскликнул я. – Нам надо его нагреть! Я чувствую, что мы должны привести металл в его истинное состояние.

– Вероятно, – согласился Пашка. – Надо только узнать точную предельную температуру нагревания. Если перегреем – твой кулон может раскрошиться. Твоему Перуну это явно не понравится.

Вдалеке ответом на Пашкину реплику громыхнул гром. Он вздрогнул. Было очевидно, что глубоко научный мозг моего друга, нехотя, но соглашается верить в мистическую природу происходящего. Я хихикнул.

– Вот засада! – Пашка с досадой хлопнул ладонью по столу. – Интернет пропал!

Мой юмор как ветром сдуло.

– Попробуй перезагрузить страницу, – попросил я.

– Уже перезагрузил два раза!

Напрасно мы жали на круглую стрелку перезагрузки. Вкладки одна за другой повторяли одно и то же: «Связь прервана. Попробуйте перезагрузить страницу»

Я закрыл крышку ноутбука.

С минуту мы с Пашкой молчали. Он заговорил первым.

– Ты думаешь, у нас получится? – спросил друг, не глядя на меня.

Я тряхнул его за плечо.

– Эй, ты чего раскис, Профессор! Конечно, у нас получится! Мы же с тобой пара самых умных голов в классе! Ты думаешь, настоящих героев из дураков выбирают?

Пашка пожал плечами.

– Если нас с тобой выбрали, чтобы спасти мир, значит мы – о-го-го!

– Тебя выбрали, – буркнул мой друг. – А я – так, с боку припёку.

– Да ты что! Если бы не ты, я бы и половины дедовских загадок не разгадал, – возразил я. – Ты же мозг всей операции!

Пашка еле заметно улыбнулся.

– Ну-ка, Профессор, давай, вспоминай, – подначивал я, – какая нужна температура, чтобы довести олово добела.

– Я уже вспомнил, – немного веселее пробубнил Пашка. – Только как нам вне лаборатории нагреть медальон до +163?

– Я знаю как, – подмигнул я.

Глава 7

На кухне не было ни души. Мама ушла в гараж помогать отцу с уборкой. Это было лучшее, что она могла сделать. Отец всегда знает, как успокоить её. Наверняка, сейчас он рассказывает, как они оборудуют пристройку, построят баню с настоящей деревянной бочкой, в которую мы будем нырять, вырвавшись из раскалённой парной. К тому же, он почти закончил теплицу – мама давно мечтает выращивать помидоры величиной с два отцовских кулака.

– Клади, – Пашка уже подготовил в духовке место, куда мы положим медальон.

– А ты уверен, что ты ничего не перепутал с температурой, – переспросил его я.

– Уверен. Смотри!

Мы оба приникли к стеклу духовки.

На глазах медальон становился светлее и светлее.

– Торопись! Долго стихию не удержат!

– Что ты сказал? – я повернулся к Пашке.

– Ничего, – отозвался он.

– Ты же только что сказал: «Торопись! Долго стихию не удержат!». Что ты имел в виду?

Пашка уставился на меня.

– Ничего я не говорил!

– *Возьми медальон!* – прозвучало у меня в ушах.

На этот раз я был уверен, что это не Пашка. Наверное, вид у меня от этих слуховых галлюцинаций был такой дурацкий, что друг легко шёпнул меня по лбу, чтобы я пришёл в себя.

– Эй, ты чего! – прикрикнул он. – Чего тарацишься, будто приведение увидел?

– *Медальон!!!* – прогремело у меня в ушах.

Я очнулся.

– Вытаскивай! – крикнул я Пашке. – Скорее!

Пашка открыл духовку и достал медальон.

Он был белым как мрамор.

– Да что с тобой такое? – спросил Пашка.

– Я услышал голос, который сказал, что надо немедленно вытащить медальон.

Пашка опасливо огляделся.

– Тут никого нет, – констатировал он.

– Этот голос... он был в голове.

– Ва-у! – протянул друг. – Они уже с тобой разговарива-

ют?!

Я не ответил. Не знал, что ответить. Откуда мне знать, кому принадлежал голос. Вроде, знакомый, а вроде и нет.

Я смотрел на медальон. Ничего не изменилось. Побелел и всё.

Хотя, нет. Что это?

Я увидел, что тыльная сторона медальона, лежащая на жаростойкой прихватке, подсвечивается.

Я перевернул и обомлел. На ней ослепительно белым светом горел новый знак: молния.

– Джем, – восхищённо прошептал Пашка. – Это просто фантастика!

Я взял медальон в руки и еле устоял на месте. Что-то горячее прошло сквозь меня и завибрировала тяжёлыми волнами вокруг.

– Ты должен поймать победить дракона! – снова зазвучало у меня в голове. – Иди туда, где много людей, но быть там запрещено. Используй стрелу Перуна! Торопись!

Земля ушла у меня из-под ног. Перед глазами пронеслись чередой видения: сверкающий вихрь, огромные лопасти ветряков, вспышка прямо у меня в руках и совершенная тьма.

Я открыл глаза. Перепуганное лицо Пашки висело надо мной.

– Джем! – слышал я его голос. – Ярик, очнись!

Я сел на полу и обхватил голову руками. Нужно было прийти в себя.

Пашка притащил мне стакан воды и кусок шоколадки.

– Давай, лопай, – приказал он. – Это от шока, для мозга.

Я послушно стал жевать шоколадку.

Друг сел рядом и вздохнул с облегчением.

– Ну ты меня напугал! Брякнулся в обморок и мычал не пойми что. Опять голос слышал?

– Да, – кивнул я. – Мне сказали, что я должен поймать электрического дракона.

– Электрического кого? – не понял Пашка.

– Дракона, – повторил я свои слова и всё то, что слышал во время галлюцинации.

Пашка задумался.

– Что это за место: там, «где много людей, но быть запрещено»? – думал я вслух. – Наверное, надо телек включить, вдруг там что-то промелькнёт.

– Не-а, не выйдет, – покачал головой Пашка. – У тебя спутниковое телевидение?

Я всё понял.

– Что за невезуха! Дед Гриша был прав на все сто: все наши технологии – сплошная ерунда!

– Да погоди ты ругаться! – Пашка вскочи на ноги. – Есть у меня одна идея.

– Что ты придумал? – обрадовался я.

– Увидишь, – подмигнул он. – Мне нужен моток толстой

провода. Есть?

Да, мой друг не зря гордо носит кличку Профессор. И если для очередного технического чуда ему нужен всего лишь моток провода, то он у него будет!

Мы поспешили в мою комнату.

Глава 8

– Бери и тяни к окну, – распорядился Пашка, вручив мне конец довольно толстой алюминиевой проволоки.

Этот небольшой моток я стащил у отца в гараже ещё год назад. Так, на всякий случай. Мне и в голову не могло прийти, что мы с другом сейчас будем мастерить самодельную антенну для телевизора. Хвала богам, некоторые телевизионные каналы всё еще продолжают работать в старых версиях, а не только в HD, что завязаны на спутники.

Тот трюк, что сейчас вытворял мой друг, с успехом использовали ещё наши отцы, когда очень хотелось посмотреть телевизор, а кабельной антенны не было. Для этого достаточно найти хороший, довольно длинный и ровный кусок проволоки и запихать его одним концом в гнездо антенны на телевизоре, а другой вывести в форточку или, по крайней мере, ближе к окну. Это необходимо для того, чтобы путь сигнала был максимально открытым. Короткий кусок проволоки и бетонные стены дома способны на корню загубить эту гениальную идею.

На улице с переменным успехом продолжал лить дождь и гремела гроза. Так что, мы примотали длинный конец проволоки к поворотной ручке на оконной раме.

– Врубай! – скомандовал Пашка.

Я с трепетом учёного-изобретателя, запускающего новый космический аппарат, нажал на клавишу включения.

Да, качество изображения оставляло желать лучшего: экран рябел, звук прерывался непонятными шумами, – но всё же, вполне можно было понять, что показывают в новостях.

На планете творился настоящий ужас. Люди во всех городах и странах от безысходности сбивались в малые и большие группы – кто в своих храмах, кто в метро или бомбоубежищах, а кто уходил ближе к природе, боясь, что в городе будет более опасно, чем в лесах или в горах.

Мы с Пашкой смотрели на то как паника, словно компьютерный вирус разносится по миру и старались изо всех сил ей не поддаться.

– Ну мы и влипли, Джем, – посетовал Пашка.

– Да уж, – согласился я. – Но плакать некогда.

Пашка серьёзно посмотрел на меня.

– Ты знаешь, я почему-то очень верю, что ты спасёшь мир, – неожиданно сказал он и немного помолчал. – Ещё вчера, когда твой дед спорил со мной про технический прогресс, скажу честно – внутри я был с ним почти согласен. Просто очень сложно взять и поверить в то, что реально есть какие-то силы природы и сверхчеловеки, которые способны спасти или уничтожить тебя, да и весь мир, просто одним махом!

– Понимаю, – согласился я. – Я и сам до вчерашнего дня

сильно не верил во всё это. Кто я такой? Да обычный пацан!

– Не-ет, ты вообще не обычный пацан, – покачал головой Пашка. – Ты всегда был другой. Вот вспомни, кто в четвёртом классе залез в вольер к бегемоту в зоопарке, когда остальные струхнули? Или тот случай с училкой русского, когда мы диктант сорвали, потому что ты ей текст на ксероксе переснял в зеркальном отражении?

– Это не геройство, а хулиганство, – возразил я. – Мне за это высыпали по первое число.

– Для школы это не геройство, а для меня – да, – гордо заявил мой друг. – Ты смелый и всегда идёшь до конца. Наверное, поэтому они – Пашка поднял палец и показал глазами куда-то вверх, – нет, именно поэтому они выбрали тебя.

Я усмехнулся – чудной он, Профессор.

– Должен кое в чём тебе сознаться, – виновато сказал Пашка.

– Валяй.

– Тогда на кухне я мог угробить твой медальон.

– В смысле? – удивился я.

– Я сказал, что температура нагрева олова до белого цвета $+163^{\circ}$, но потом я вспомнил, что на самом деле предел составляет $+161^{\circ}$. Так что, если бы не голос у тебя в башке, то плакала бы наша операция.

– Ого!

– Я вот чего подумал, – продолжал мой друг. – Может, меня тёмная Сторона смущает? Толкает таким образом на

предательство, как в «Звёздных войнах»?

Я расхохотался.

– Ты чего? – обиженно спросил Пашка.

– Дурила ты! – продолжая смеяться, сказал я. – Хватит ерунду всякую сочинять! Давай лучше подумаем, о каком месте мне голос говорил.

– Это сложно сказать, – ответил Пашка. – Посмотри вон, что происходит – сейчас целая куча таких мест, где много народу.

– Да, но нам важно выяснить, куда вход запрещён, – уточнил я.

– Тогда будем продолжать слушать новости, – предложил Пашка. – Наверняка тут скажут то, что натолкнёт нас на мысль.

Мы продолжили смотреть новости, щёлкая с одного канала на другой. Выбор у нас был небольшой: пять каналов из тридцати двух возможных. Но нам повезло – выпуски новостей не прекращались. Ни рекламы тебе, ни фильмов, ни мультиков. Мир превратился в одно большое ухо, которому интересно одно – когда весь этот кошмар закончится.

В какой-то момент я задремал. В принципе, и спать не хотел, несмотря на то, что большую часть ночи провёл в попытках понять витиеватые речи деда. Признаться, я сердился, что он бросил меня в такой момент. Мир разваливается на части, а мой родной дед подбрасывает мне загадочный медальон, поручает спасти мир и ничего толком не объяснив, ис-

чезает. При этом, в моей голове начинают бормотать странные голоса, командующие что делать. Вот так тринадцатый день рождения – чёртова дюжина!

– Джем!

Пашкин острый локоть угодил мне под рёбра.

Я резко открыл глаза.

– Вот, кажется, то, что нужно! – сказал мой друг и прибавил звук телевизора.

Девушка-корреспондент в синем дождевике говорила в микрофон, перекрикивая частые раскаты грома:

– Мы ведём репортаж со станции ветрогенераторов. В эту самую секунду здесь творится совершенно невообразимое: есть ощущение, что в этом месте сосредоточился мощнейший грозовой фронт. Светопреставление, которое устроила природа выглядит как суровое предупреждение. Молнии, исходящие от эпицентра находящейся здесь грозовой тучи просто чудовищны. Они вырываются из неё каждые 30-40 секунд! С нами в прямом эфире заведующий кафедрой штормовой безопасности государственного университета метеорологии – профессор Зубровский. И он утверждает, что удары учащаются.

Камера сделала наезд на сухого старика в берете и точно таком же дождевике, как у дедушки-корреспондента.

– Совершенно верно, – высоким голосом прокричал он в микрофон. – Амплитуда разрядов учащается. Еще буквально час назад разряды исходили с частотой раз минуту, но

только что мы зафиксировали показатель в 35 секунд, как верно заметила госпожа корреспондент.

Девушка кивнула.

– Профессор, вы считаете, амплитуда вновь сократится?

– Да, – согласился старик. – Мы не без оснований предполагаем, что спустя какое-то время разряды будут исходить с интервалом в 15 секунд.

– Если так пойдёт дело, то чего же нам ожидать ещё через 2 часа? – испуганно спросила корреспондент.

– Это сложно предположить, – ответил профессор. – Но есть вероятность, что когда амплитуда достигнет минимальной отметки... – он скорбно замолк, но потом продолжил: – есть вероятность грандиозного взрыва, последствия которого трудно переоценить.

Корреспондент вернула себе микрофон.

– Вся станция плотно оцеплена войсками. Пробриться сюда могут только высокие военные чины и очень немногие журналисты.

Камера показала плотные ряды людей в военной форме и тяжёлую технику, образовавшие непроницаемое кольцо вокруг станции.

– Метеоцентр предоставил нам карту погоды, – продолжала корреспондент. – На ней отчётливо видно, что грозовой фронт сосредоточился в том самом месте, где мы с вами находимся.

Нам показали карту. Это было феноменально. Создава-

лось ощущение, что какой-то магнит стянул все грозы в одну точку.

Девушка-корреспондент вторила нашим выводам:

– Повсеместно грозы практически прекратились и только здесь, на станции ветрогенераторов мы видим настоящий электрический щит из молний. Что это: божий суд или странная атака пришельцев на погружённую во мрак землю? Думаю, всем нам остаётся молиться или ждать чуда. С вами была...

Голос девушки потонул в потоке моих мыслей.

«...электрический щит», – звучало у меня в голове и ему вторили фразы загадочного голоса: «ты должен поймать электрического дракона».

Я смотрел на горящую молнию на своём медальоне.

– Дракон... тоже самое, что змей, – пробормотал я.

– Что ты сказал? – переспросил ошалевший от новостей

Пашка.

– Я вспомнил, – сказал я. – Дед рассказывал мне, что Перун поразил своими стрелами страшного змея Волоса. Это была эпическая битва, – я сделал паузу. – У меня тоже есть стрела.

Мой взгляд снова приклеился к горящему знаку молнии на наконечнике стрелы, который я ещё недавно принимал за обычный медальон.

– Я не очень понял, – растерянно сказал Пашка.

Но я уже не слушал его.

Я подошёл к окну и посмотрел вдаль.

Там, низко над землёй явно просматривался светящийся купол, из которого били в небо огненные стрелы молний.

– Я должен идти, – сказал я онемевшему от ужаса Пашке. – У нас всего пара часов.

Глава 9

Я слышал, что родители вернулись из гаража. Отец пошёл менять промокшую одежду, а мама хлопотала на кухне. Сегодня она собиралась готовить курицу гриль с печёной картошкой и грибами. Под ложечкой у меня засосало, но времени думать о еде небыло.

Пашка, набычившись, наблюдал, как я достаю с верхней полки шкафа тюк с одеждой и походными принадлежностями. Наверняка там найдутся полезные вещи.

– Повторяю – я пойду с тобой! – решительно сказал Пашка.

– Нет, не пойдёшь, – возразил я, выуживая из груды вещей перочинный нож. – Я должен идти один.

Пашка сердито отпихнул ногой рюкзак, который я сбросил на пол.

– Как готовиться к операции – Так Профессор, помогай! А как героем становиться, так я один пойду, да?

Я наконец отыскал свою непромокаемую куртку и спрыгнул со стула.

– Ты не можешь пойти туда, потому что это рискованно. Тебя даже медальон током бьёт, а кто знает, что произойдёт, если ты ещё с кем или чем в контакт вступишь, – пояснил я.

На эти доводы Пашка только ещё больше обиделся.

– Вот как? – пробубнил он. – Значит, ты слабаком меня

считаешь? Боишься, что я тебе подвиг испорчу?!

Мне стало искренне жаль друга. Я хорошо понимал, что на его месте думал и чувствовал бы абсолютно то же самое.

Пашка не из трусливых. На вид этот худой очкарик выглядит как безобидный ботаник, способный только целыми днями сидеть в Интернете, за чтением книг или за сборкой-разборкой техники. Но я-то знал, что в драке мой друг даст сто очков вперёд любому здоровяку. В Пашке было то, что боксёры называют «нерв» – какая-то дикая, пластичная сила, которая раскрывается только в момент боя. Я имел возможность однажды наблюдать эту силу, когда мы нарвались на банду агрессивных старшеклассников у нас парке. Их было пятеро, а нас только двое, и с учётом Пашкиной обманчивой subtilности, я понял, что драться мне придётся одному против пяти.

Помню, ребята стали некрасиво задевать Пашку обидными фразочками, давали ему тычки и подзатыльники. Мой друг стоял насупившись, и я было подумал, что он вот-вот заплачет. Но Пашка неожиданно снял очки, положил их в чехол и отбросил подальше в кусты. «Смирился, что нас сейчас поколотят», – подумал тогда я и ошибся. Я и глазом моргнуть не успел, как Пашка развернулся и дал одному из наглецов прямо кулаком в нос. Потом он словно бычок боднул другого головой в живот. В тот момент я очнулся и понял, что надо действовать.

Обидно, что действовать тогда мне практически не при-

шлось. Наши псевдо храбрые обидчики разбежались. Тогда я понял, что беззащитность моего друга обманчива.

Пашка совсем не агрессивный. Он добрый и отзывчивый, помогает маме растить младшего брата и не ругается матом как многие наши одноклассники.

Однажды на уроке литературы учительница описывала нам художественный портрет героя какого-то произведения. Я не помню, кто это был, потому что не слушал её внимательно. Но помню, что в какой-то момент услышал слово, произведшее на меня неизгладимое впечатление: «достоинство». Что-то особенное веяло от этого слова. Можно было сказать о герое кучу вещей: сильный, умный, талантливый – но всё это просто набор дополнительных украшений по сравнению с одним качеством, которое делает человека настоящим. Чувство собственного достоинства. Это больше, чем характер. Это солнце, которое сияет внутри каждого из нас. У Пашки это солнце внутри есть. И кто действительно рождён быть героем, так это он.

Я не жадничал до геройства. Просто по странному стечению обстоятельств, жребий выпал мне.

– Ты прекрасно знаешь, что я не считаю тебя слабаком, – я хлопнул его по плечу. – Но ты будешь нужен мне здесь, дома.

Я застегнул замок куртки.

В комнату заглянула мама.

– Скоро будет готов обед, – с деланой улыбкой позвала она. – Поэтому даже не начинайте свои конструкторские де-

лишки!

Я видел, какого труда ей стоит не показывать нам своего беспокойства. Наверняка, в гараже они с отцом больше разговаривали, чем разбирали вещи. Планировали, что мне скажут, как мы будем действовать. Им и в голову не приходило, что я знаю не только больше чем они, а возможно, больше, чем весь мир.

Мама увидела, что я одет для улицы.

– А ты куда собрался? – с тревогой спросила она. – На улице невесть что творится! Мало нам одного беглеца, и ты ещё лыжи наострил!

Деда имела ввиду. Вот икается ему, наверное.

– Я хотел в пристройку сходить, – сочинил я. – Мне нужно там кое-какой инструмент взять,

– Да у тебя инструментом все полки в шкафу завалены, некуда одежду класть. Сидите здесь, нечего тебе ходить, а то ещё грязи мне в дом натащишь! Только пол протёрла.

«Пол испачкаю! – подумал я. – Если мы с Пашкой не справимся, то скоро мы все в сырости жить будем, как болотные жабы!»

– Хорошо, мам, мы скоро придём, – согласился я, чтобы она скорее отстала.

– А ты, Паш, чего такой хмурый? – переключилась мама на друга.

Профессор сделал кислую мину и уже открыл рот, чтобы, видимо, от обиды выдать весь план операции, но я его опе-

редил:

– Мы поспорили на новый набор часовых отвёрток, сможет ли Профессор без моей помощи собрать рации, которые мне пришли с e-bay на прошлой неделе. Вот он и куксится – боится, что проиграет.

Пашка сначала злобно воззрился на меня, а потом повеселел.

– Ха! – выдохнул он. – Да любой дурак их соберёт!

– Ага, если только дурак владеет китайским, – продолжил я, копируя его тон.

Я вынул из шкафа коробку с набором для сборки раций и достал из неё инструкции, испещрённые китайскими иероглифами.

Мама моментально потеряла интерес к ситуации.

– Ладно, через пятнадцать минут жду вас внизу. А потом мы придём к вам телевизор смотреть. Вижу, с первобытным телевидением Паша справился, – мама подмигнула Пашке и закрыла дверь.

– Значит, у нас всего пятнадцать минут, – вслух рассуждал я. – А потом всё моё семейство нагрянет сюда.

– У тебя есть рации?! – спросил Пашка, не услышав моих последних слов.

– Ага, – подтвердил я. – Для нас с тобой купил. Думал, из домов будем переговариваться.

– Так это супер! Когда уедешь, я смогу быть с тобой на связи!

– Да я сам в шоке от гениальности своей идеи! – поддержал его я.

Я испытал огромное облегчение, когда Пашка принял то, что к электрическому куполу я отправлюсь один. Сразу стало радостнее на душе, как бы это странно не звучало в нынешних обстоятельствах.

– А мы успеем за 15 минут собрать? – спросил я друга.

– За 10 минут соберём!

Он выхватил у меня из рук коробку с рациями и тут же её распотрошил.

– Глянь, Джем, тут всё уже наполовину готово: контурная катушка намотана, сердечник готов к пайке. Эта штука проще детского конструктора! И с китайской инструкцией – не проблема, – сказал Пашка. – У меня офлайн переводчик на телефоне есть. Я сейчас мигом эти закорючки на человеческий язык переведу! Тут главное – схему перевести, а остальное – дело техники.

– А что насчёт дальности действия? – спросил я. – На сайте было написано, что это всего 100 метров. А купол, если не ошибаюсь, километрах в пяти отсюда.

Пашка скорчил самодовольную мину.

– Фигня вопрос! Антенну нужно заменить и все дела.

Я достал из-под кровати свой «магазинчик». Так я называю большую коробку, где храню всякие железки, кабели, старые платы и прочий ценный лом и полезные мелочи, которые могут понадобиться технику.

– Отлично! – Пашка стал деловито копаться в моём добре, что-то периодически выкладывая на стол. Наконец он извлёк из коробки кусок телевизионного антенного кабеля, – Вот он, наш золотой ключик!

Прошло десять минут. Мы почти покончили со своей задачей, но я всё равно нервничал. Даже вздрогнул, когда мама снизу прокричала:

– Всё готово, мойте руки!

– У нас ещё пять минут, мам, – отозвался я. – Не подгоняй, а то мы всё испортим.

– Чёрт! – выругался я. – Как не вовремя она со своим обедом!

– А я поем, когда ты уйдёшь, – хладнокровно заявил друг. – Твоя мама классно курицу готовит, с хрустящей корочкой. И подливку вкусную делает.

В ответ на его сарказм мой желудок жалобно заурчал.

– Не зли меня, Профессор! – пригрозил я ему паяльником.

– Ничего, голодный и злой герой лучше сытого, – усмехнулся Пашка. – У тебя платы готовы или ты паяльником только друзей пугаешь? – спросил он.

– Да, есть, – я показал ему готовые платы.

– Отлично. А теперь наша супер-антенна.

Мой друг взял кусок приготовленного антенного кабеля и отрезал два куска ровно по 168 мм. Затем зачистил оба

куска примерно на сантиметр от обмотки и скрутил пучок внутренних проволочных кабелей в один, запаял.

Внутри заводской антенны радики оказался не кабель, а обычная пружина.

– Ты посмотри, какая мощь, – указал мне на неё Пашка. – Вот какую дальность приёма может обеспечить эта закорючка? В следующий раз прежде чем заказывать что-то посоветуйся со мной, – деловито предложил он.

Мой друг выкинул пружинку и на её место приладил нашу новинку. Потом соединил с корпусом.

Мы включили радику и услышали характерный шум приёмника.

– Работает! – обрадовался я.

– А то! – гордо отозвался Пашка.

– Вот тебе одна, а мне другая. Я буду сообщать тебе обо всех моих действиях.

Пашка снова погрустнел. Очень ему не хотелось отпускать меня одного.

– Оставайся здесь, – попросил я. – Когда мама снова придёт звать нас, спросит про меня, соври, что-нибудь. И ни в коем случае не выдавай куда я пошёл!

– погоди, а как ты выйдешь отсюда? Родители же внизу, в столовой.

Я посмотрел в сторону окна.

– Шутишь? – удивился Пашка. – Прыгать будешь?!

– Буду, – кивнул я. – Другого выхода нет.

Я открыл окно. Дождь сразу же намочил подоконник.

Пашка забеспокоился.

– Шею свернёшь, дурак!

Я посмотрел вниз и улыбнулся.

– А вот и не сверну! Погляди!

Пашка высунулся в окно и понял откуда моя смелость.

Несколько дней назад мы с дедом были дома вдвоём. Помню, к воротам подъехал самосвал и спросил деда куда грузить содержимое кузова. Дед указал это место под моим окном. Водитель поднял кузов, открыл заслонку и аккуратно ссыпал пару тонн песка в аккурат под моим окном. Когда родители вернулись, они не могли ничего понять. Откуда песок? Отец утверждал, что ничего не заказывал. Дед тоже изображал полную невинность: ему никто инструкций не давал, вот он и действовал по ситуации. А у мамы настроение было испорчено: уродливая гора песка как египетская пирамида лежала посреди двора, и никто не хотел брать за это ответственность.

Теперь было ясно, что дед лукавил. Он что-то знал. Или чувствовал.

Я в последний раз посмотрел на Пашку.

Друг старался улыбнуться на прощание, но вместо этого вышла кривая гримаса. Он поднял рацию, нажал на кнопку и произнёс:

– Витязь, приём! Это Сокол.

Его голос эхом отозвался в рации в моём рюкзаке.

Я улыбнулся и сиганул в окно.

Глава 10

Приземлился я почти удачно. Почти, потому что прыгнул ногами вперёд и не рассчитал, что песок мокрый, а потому твёрдый как глина. Одна нога вошла в песчаный матрац удачно, а вторую я подвернул. Я размассировал её как мог, но нога всё равно ныла и наступать на неё было больно. Но времени ныть не было, счёт шёл на минуты. Если старикашка из телевизора прав, то непонятный молниевый щит может рвануть в любой момент. По сравнению с этим, взрыв водородной бомбы покажется землянам сказкой. А я должен поймать электрического дракона или мифического змея Волоса, который весь этот шабаш устроил. Его сам Перун победил, и мне предстоит. М-да, ничего себе задачка, но кое-какой план у меня уже есть.

Отец всегда говорит, что ничего случайного в жизни не случается. И мой дед Гриша с ним согласен. Только отец называет такие совпадения причинно-следственными связями, а дед стоит на том, что каждый наш поступок записан в небесных скрижалях. Мне не важно, кто из них прав, главное – всегда, даже в самой трудной ситуации есть подсказка или помощь – просто их надо найти.

Вот и Сёма вчера не случайно оставил свой велик. Это часть неведомого плана. Мне только нужно взять его так,

чтобы мама не заметила. Иначе хана моей миссии. Как объяснишь родителям, что мне жизненно необходимо рвануть в центр оцепленного армией разгула стихий?

Я аккуратно подошёл к входной двери на веранде и прислушался.

В доме слышались голоса родителей. В груди заныло – я ведь могу не услышать их больше, никто не знает, чем окончится мой поход.

Внезапно дверь открылась. Мама выглянула во тьму. Она стояла на пороге единым чёрным силуэтом на фоне светлой прихожей.

Я вжался в стенку. Хорошо, что внешнее освещение дома выключили. Но нельзя было забывать про яркие вспышки молний. Всего одной такой было бы достаточно, чтобы выдать меня.

– Валя, что там? – спросил из дома голос отца.

– Ничего, – ответила мама. – Мне показалось кто-то ходит. Думала, может, отец вернулся.

Она ещё несколько секунд всматривалась во тьму, а потом закрыла дверь.

Тут же раздался раскат грома и сверкнула ослепительная вспышка.

Я выдохнул – пронесло!

Не мешкая, я подбежал к велосипеду и вывел его из-под козырька дома. Потом вскочил в седло и поехал. Должно быть, именно так храбрые витязи в старину вскакивали в

седло своих коней и мчались громить врага.

Включать фонарик я пока не стал – нужно отъехать по-дальше от дома. Садовая дорожка, калитка и вот она, улица. Я взглянул на своё окно и увидел Пашкин силуэт. Он вглядывался во тьму, стараясь увидеть меня. Я помахал ему рукой – увидит или не – не важно. Я просто хочу сказать: до встречи, друг!

Гнать пришлось во весь опор. До станции электрогенераторов километра четыре-пять. В такой дождь у меня уйдёт на это минут 15 не меньше. Но велик у Сёмы отличный – рассекает воду как катер! Когда всё закончится, решено: куплю себе такой же.

Я ехал и думал, как там сейчас мои ребята из класса. Боятся, наверное. Особенно Лиза. Она такая нежная, ранимая. Мне снова вспомнился страшный сон, который привиделся мне этой ночью. Сердце сжалось от странного, незнакомого чувства. Я понял, что ощущаю ответственность за всех дорогих мне людей. И даже за незнакомых.

Мама много раз пыталась втолковать мне что это такое – ответственность, но у меня не получалось понять. А сегодня я понял – ответственность – это когда ты даёшь обещание и выполняешь его. Не важно, кому ты обещал: другим или себе. И выполнять обещание нужно не из-под палки, – это всё испортит, – а потому что ты понимаешь, что так правильно, даже если сложнее. Или знаешь, что никто, кроме тебя этого

не делает. Как в моём случае.

Я надвинул пониже кепку. Козырёк длинный, но глаза всё равно заливает дождь, приходится чаще моргать.

Хорошо, что на электронных часах у меня есть функция замера расстояния. Я в пути тринадцать минут и проехал уже три с половиной километра – для такой паршивой погоды просто прекрасно.

Нога всё ещё болела, но я поднажал на педали.

В голове звучал Пашкин голос: «Витязь, приём!» и сердце отзывалось на этот позывной. Здорово он придумал! Настоящая мужская кличка. Не то, что Джем какой-то.

Я понял, что за один день повзрослел. Я был Джемом, потому что прежде думал только о пустяках. Или о своей привязанности к бабушке, которая так внезапно ушла. Ночью. А на плите остался тазик с ягодным джемом. Она хотела с утра проснуться и доварить, разлить по банкам. Но не проснулась... Дедушка говорил, что так лучше. Что бабушка во сне перелетела в чудесный райский сад и осталась там. Она даже не поняла, что умерла. Но мы-то поняли!

Помню, я сидел утром на кухне и смотрел на тазик с джемом. Что с ним делать? Есть с чаем? Но ведь бабушка не вложила туда последнюю частичку своего мастерства, своей кухонной магии. Этот джем не настоящий! Он так и не стал настоящим, бабушкиным джемом.

Я называл себя Джемом в память о радостных моментах. Но сейчас всё изменилось. Я больше не беззаботный маль-

чишка. Я приближаюсь к дикому огненному вихрю, где меня ждёт либо победа, либо поражение. Но победа будет только моей, а поражение застигнет всех, так что цена потери намного выше. Поэтому я не могу проиграть. Я больше не Джем. Отныне я Витязь.

В рюкзаке зашипела рация:

– Витязь! Витязь, приём! Это Сокол.

Я немедленно остановился и выхватил рацию.

– Сокол, приём! Витязь на связи, – ответил я. – Как обстановка дома?

– Нас рассекретили! – вздохнул Пашка. – тётя Валя плачет, а твой отец собирается ехать тебя искать.

Я похолодел.

– Пашка, этого нельзя допустить! Задержи их, пожалуйста! Через пять минут я буду на месте.

– Есть задержать! – по-военному отозвался Пашка. – Сделаю что могу!

– Конец связи, Сокол!

– Конец связи, Витязь!

Я убрал рацию и снова вскочил на велосипед. Если Пашка не задержит родителей, через пять-десять минут отец будет здесь.

Глава 11

Чем ближе я приближался к станции, тем сильнее у меня внутри всё сжималось. То, что издалека казалось чарующим небесным шоу, вблизи смотрелось совершенно жутко. Огромная грозовая туча, покрытая разрядами молний, точно огненными венами, висела над остановленным из-за непогоды парком ветряков. Их трёхлопастные головки замерли, не реагируя на дикие порывы ветра, будто боялись, что очередной разряд ударит в них со всей мощью и злобой, которую способна источать буря такого масштаба.

Я почувствовал, как дрожит на груди мой медальон и вытащил его из-за пазухи.

Щит Перуна Громовик и молния на оборотной стороне горели синим пламенем, а сам медальон вибрировал точно приёмник.

– Чувствуешь, что мы рядом, – сказал я ему.

Мне показалось, что именно в тот момент я проникся к медальону странным ласковым чувством, как к другу. Явно ощутил, что я не один. Что он – живой! Медальон как мой боевой соратник рвётся в бой.

– Не подкачай, – сказал я ему и убрал под футболку.

Снова слышались позывные Пашки. Я ответил.

– Сделано! – рапортовал мой друг. – Я вывел из строя ав-

томобиль твоих родителей. Так что они не смогут приехать.

– Отлично! Что ты сделал?

– Не спрашивай, – весело ответил Пашка. – У тебя свои секреты, а у меня – свои. Главное, что машина останется в гараже.

– Ты настоящий друг! – прокричал я, потому что меня накрыл раскат грома.

– Моя мама и брат тоже здесь, у вас дома, – сказал Пашка.

– Так лучше, – сказал я.

– Батя, оказывается, там, в оцеплении ветряков. Сказал, что если они не найдут решение как обезвредить дикую грозовую тучу в ближайшие полчаса, то снимут оцепление и объявят о всеобщей эвакуации людей, – предупредил Пашка. – Он сказал, что всё плохо. Молнии шаршат каждые 15 секунд. Когда интервал станет в 10, начнётся эвакуация.

– Тогда всё, заканчиваем разговор, – заторопился я.

– Я выяснил для тебя как они оцепили станцию. Сказал отцу, что беспокоюсь, что он ближе всех к этой туче и всё такое.

– Так, и?

– Он говорит, что к туче близко подойти никто не может. Эпицентр закрыт каким-то непонятным электрическим куполом. Как будто внутри работает генератор и создаёт оболочку в виде магнитного поля, да ещё и непрозрачного. Туда и учёных в специальных костюмах посылали, и роботов – всё без толку. Купол никого не пускает.

– Меня пустит, – сказал я.

Ну да, – неохотно согласился Пашка, а потом неожиданно обратился ко мне по имени: – Ярик, может, ты вернёшься? Вдруг тебя этот Электрический Дракон сожрёт? Ну эвакуируют нас и ладно. Посидим с тобой вместе в бомбоубежище, подумаем там что делать, а?

– Нет, Пашка, – отрезал я. – Я должен это сделать.

– Вас понял, Витязь, – с грустью сказал друг.

– Конец связи, – сказал я. – Батарейка быстро садится.

Мы закончили переговариваться, порешив, что я ещё раз выйду на связь позднее. Заряд батареи предательски быстро снижался. Может, из-за непогоды всё сложнее было держать сигнал. Может, дистанция между передатчиками была слишком велика. Предел зоны покрытия у таких раций с усиленной антенной не более пяти километров, а я уже был почти на крайнем его рубеже.

Станция была совсем рядом. Я снова крутил педали так быстро, как мог.

Скоро впереди показались плотные ряды тяжёлой техники и люди, одетые в плащ-палатки. Наверняка и Пашкин отец сейчас там.

Я оставил велик в кустах и стал потихоньку пробираться к оцеплению.

Мне пришлось потратить с десяток ценных минут на то, чтобы найти тот участок в оцеплении, где было меньше всего людей.

Наконец, я нашёл одно такое место. Там стояли какие-то машины с радарамии или просто огромными антеннами – наверное, для армейской связи или слежения за небом. Рядом с машинами стояли всего пара офицеров. И они с интересом наблюдали за происходящем в небе.

Я тихо прокрался к кузову одной из машин и притаился. До того, как я подошёл ближе, офицеры оживлённо что-то обсуждали, а сейчас как на зло замолчали.

Я боялся шелохнуться. Если заметят – плакала моя миссия.

Наконец, они снова заговорили, и я стал потихоньку пробираться за их спинами к небольшому зданию, возможно, трансформаторной, за которым мне будет передвигаться намного свободнее. Я уже был в десятке шагов от цели, как внезапно услышал за спиной:

– Стой! Ты что здесь делаешь?

На пороге микроавтобуса с большим радаром стоял ещё один военный.

– А ну вернись! – кричал он. – Туда нельзя!

Я уже был готов помчаться во весь опор дальше, как меня схватили за плечи пара сильных рук. Это был один из дежуривших офицеров.

– А ну-ка стой, – сказал он. – Ты куда собрался?

– Пустите меня, – попросил я. – Мне очень нужно туда.

– Не могу, – спокойно сказал офицер. – У меня приказ никого не пускать.

– Но это вопрос жизни и смерти! – настаивал я. – Я знаю как прекратить эту грозу!

Военный вздохнул.

– Послушай, парень, – по-доброму сказал он. – Я вижу, что ты очень смелый. И здорово, что ты так хочешь нам помочь, но поверь...

– Я правда знаю, как помочь! – закричал я и отскочил он офицера. – Вот, у меня есть медальон, – я выудил стрелу Перуна из-за пазухи и показал ему. – Я должен спасти нас всех!

Офицер не обратил никакого внимания на мой жест.

– Пойдём-ка в машину, – спокойно, но повелительно сказал он. – Через несколько минут мы объявим эвакуацию.

Гром шарахнул с новой силой. Сверкнула молния.

– Нет! – крикнул я и рванулся прочь.

Сильная рука офицера больно схватила меня за запястье.

– Ты погибнешь, герой безмозглый!

– Ну и что! Это моё дело.

Военный потащил меня к микроавтобусу. Я упирался изо всех сил, но офицер был сильнее. Медальон загорелся на груди. Я почувствовал его жар. Впервые. Он горел и вибрировал, словно звал.

Я начинал чувствовать, что теряю силы, голова кружилась.

И тут в моей голове зазвучали слова на неизвестном языке. Их не говорил, а пел снова тот самый голос, который я

слышал дома. Голос пел странную молитву в моей голове, вибрируя в такт с медальоном.

Откуда-то со стороны послышалось стрекотание.

Я не сразу понял, что или кто является его источником.

Крра-та-та-та-та.

Это была сорока.

Она вылетела из темноты, отражая своими белыми боками свет прожектора на военной машине.

Краааа-та-та-та, – выкрикнула сорока и бросилась камнем вниз прямо на офицера.

– Что это?! – отпрянул от птицы он, но не выпустил мою руку.

Сорока вцепилась когтями в его плечо и клюнула.

Пальцы офицера вмиг разжались, и моя рука выскользнула.

Он хотел схватить меня снова, но я увернулся.

Опять прогремел раскат грома и молния разрезал небо.

Я побежал.

– Стой, парень!

На моём пути вырос второй офицер.

Кра-та-та-та-та! Крата-та-та-та!

Из чёрного неба вниз на нас обрушилась стая белобоких птиц. Их большие крылья свистели вокруг словно лопасти ветряков.

Кра-та-та-та-та!

Птицы бросились на офицеров, не давая им приблизиться

ко мне.

– Чёртовы птицы! Пошли прочь! – кричал один из офицеров, стараясь разогнать сорок, но всё новые и новые чёрно-белые воительницы падали с небес на моих преследователей.

– Спасибо, Перун! – проговорил я и бросился бежать.

Гром. Молния. Кра-та-та-та-та.

Я пробежал мимо трансформаторной и устремился дальше.

Глава 12

Я поскользнулся, упал и едва не разбил себе нос. Земля превратилась в сплошную скользкую жижу.

Гром и молния одновременно. Я почти в эпицентре.

Поднявшись на ноги и немного отдышавшись, я увидел перед собой огромный сине-голубой купол в виде правильной полусферы. Он был всего в трёх-четырёх десятках метров от меня и издавал еле различимые ухом вибрации.

Внутри похолодело – мне предстоит пройти через него.

Гром и молния. Амплитуда всего секунд десять.

Я услышал, как в разных частях города друг за другом завыли сирены. Началась эвакуация. Люди признали своё бессилие перед стихией. Сколько тысяч лет они поклонялись Солнцу, духам Огня, Воды, Земли и Воздуха. Потом заменили их идолами разных богов и забыли. Позже приходили новые и новые религии, уводящие жаждущее вечной новизны человечество дальше и дальше от единения с природой. Наступил век машин, и дело стало совсем плохо: гомосапиенсы перешли к поклонению гаджетам и верховному богу технократии Интернету. Они наизобретали смертельного оружия, способного за секунды уничтожить планету и бензонат натрия – усилитель вкуса, побуждающий человека с жадностью поглощать любой продукт, в который он добавлен. Но раз-

ве человечество стало сильнее? Оно по-прежнему трепещет перед стихией и зависит от света Солнца ничуть не меньше, чем 10 000 и 100 000 лет назад!

Разрозненные голоса сирен превратились в один сплошной гул.

Наверное, сейчас мои родители и Пашка собираются покинуть дом.

Гром и молния.

Нечего рассиживаться!

Я встал и пошёл к куполу.

С каждым новым шагом я чувствовал, как медальон у меня на груди трепещет всё сильнее. Я достал его и повесил поверх куртки.

Вот и граница купола.

Я присмотрелся внимательнее к его стенке. Чистый ток. Как я пройду внутрь? Тут такое напряжение, что за долю секунды завалит и слона. Я сделал шаг. Ещё один.

Внезапно, медальон приподнялся с моей груди. Ещё шаг – он вновь приподнялся. Продолжая движение, я увидел, что медальон повис в воздухе на уровне моего лица, указывая остриём в сторону стенки купола.

«Он укажет путь...» – вспомнил я слова дедушки.

Гром и молния.

Я снова сделал шаг. Меня тряхнуло. Это медальон стрелой врезался в стенку купола и стал, казалось, её плавить, втягивая меня за собой точно щенка на поводке.

Когда лицо коснулось наэлектризованной оболочки, я был готов закричать, предвидя боль. Но неожиданно ощутил приятную прохладу, будто опустил лицо в лесной ручей.

Стенка казалась тонкой, но на самом деле представляла собой плотную желеобразную оболочку. Чтобы пробраться через неё мне приходилось прилагать усилия. Так, должно быть, чувствует себя муравей, угодивший в креманку с ещё не застывшим желе.

Я шёл и шёл, ведомый медальоном, не видя конца пути.

Вдруг вокруг меня стали появляться странные цветные пятна. На глазах они обретали резкость и превращались в движущиеся картинки. Происходящее со мной было похоже на хитро смонтированный ролик, где я – часть монтажа и некий персонаж, наблюдающий кусочки из разных видео вокруг себя. Вот я вижу чистейшее озеро с почти невидимой водой, в которой парят стайки серебристых рыб. Байкал – я узнал его. Мы проходили его в школе по «Окружающему миру». Вдруг картинка меняется: прибой с желтоватой пеной и песчаный берег, усыпанный мёртвой рыбой. Нет, так не должно быть! – говорит мне сердце. Иду дальше и вижу: морские черепахи кружат в бирюзовых морских водах – сказочное зрелище, точно как в фильмах ВВС о природе. Но вот картинка блекнет: одинокая черепаха медленно плывёт сквозь взвесь из отходов, а одна из её задних лап почти обездвижена плотным мотком полиэтиленовой плёнки. Сердце сжимается. Я вижу леса Амазонки – «лёгкие планеты» – их

цветение и гибель, перепачканных нефтью птиц, пустыни, которые ещё недавно были плодородными долинами, серый воздух – прежде прозрачно-звонящий... Я стараюсь пробираться скорее через сверкающее молниями «желе», чтобы больше не видеть эти сцены, но стена купола кажется бесконечной. И я понимаю – Электрический Дракон здесь не без причины. Все четыре лика солнца отвернулись от нас не напрасно. Перун или кто бы ещё не приложил руку к происходящим с людьми – правы, – человечеству нужен урок. Мы перестали ценить среду, которая растит нас, поит и кормит, согревает и оберегает.

Я иду сквозь вязкую стену и даю себе обещание: если я выживу и выполню своё задание, если наша планета забудет свои обиды, если солнце вновь согреет нас – я клянусь, что сделаю всё, чтобы не допустить того, что я сейчас видел. Я знаю, что знающих и понимающих ребят очень много: тысячи, десятки тысяч, миллионы. Они тоже это увидят. Их сердца обязательно откликнутся! Не достаточно спасти мир! Его надо сохранить, сберечь, вырастить заново!

Я шёл дальше и видел новые картинки: собрания школьников, экологические митинги. Мне чудились новые изобретения в руках моих сверстников – не машины разрушения, а орудия помощи и труда на благо нашей голубой планеты. Да! Именно так всё и будет.

Я понял, что перестал бояться. Боль в сердце сменилась радостью и ликованием. Мир спасают не мускулистые герои,

а мы – простые мальчишки и девчонки. Будущее уже живёт в нас, и его не убить какому-то электрическому дракону!

Больше не чувствовалось сопротивление сферы. Ноги шли сами собой.

Все убитые в сказках драконы во все времена говорили читателю одно: герои всегда будут побеждать. Нужно только, чтобы мы не боялись быть героями.

Вдруг я упал. Вывалился из железной стенки купола.

Медальон снова повис на шее.

Земля под ушибленными ладонями была сухой, словно в этом месте с неба не упало ни капли. Я поднялся на ноги, но от увиденного едва снова не рухнул на землю.

Глава 13

Центр полусферы находился на месте одного из ветряков. Его лопасти вращались с бешеной скоростью ни то от ветра, ни то от беспрестанно бьющих в него молний. У основания ветряка стоял высокий человек в длинном белом одеянии. Вернее, он весь был белым: длинные белоснежные волосы и борода, бледное лицо и руки, воздетые к небу. Мне не почудилось: человек был центром гуляющей в куполе стихии. Он удерживал в своих руках огненные вихри! Те вращались вокруг него, рвались, бились синими, лиловыми, белыми лентами. Но мужчина держал их кончиками пальцев, искрящих разрядами.

– *Подойди скорее, Яромир!* – услышал я знакомый величавый голос у себя в голове.

Теперь понятно кому он принадлежал.

Я подошёл ближе. Человек обратил ко мне лицо. И я обомлел.

– Дед... – едва слышно смог произнести я.

Мужчина словно не слышал моих слов. Он смотрел на меня почти прозрачными от света молний голубыми глазами без дедовской нежности, словно мы и не родственники вовсе. Уверяю, что я не свихнулся – это точно был мой дед! Да, крепче, выше ростом и словно моложе, больше похожий

на убелённого сединами богатыря, чем на среднестатистического дедушку. Но это был мой дед.

– Дед, – позвал я снова, – Почему ты здесь? Как это всё..? – вопросы приклеивались к моему пересохшему горлу.

– *Я ведун Славигор! Последний чародей из рода Синего кедра,* – произнёс дедушка не своим голосом – а тем, что привёл меня сюда. – *Стою здесь на страже, в ожидании тебя, витязь, – Но силы мои на исходе. Ты должен поймать и заточить электрического дракона, чтобы использовать его силу и снова зажечь солнце.*

– Я должен заточить, а не убить его? – растерялся я.

– Дракон не Зло. А сила его нужна, чтобы осветить лики солнца. Собери эту силу!

Голос деда стал слабее. Я понял, что счёт идёт на минуты. Снова шарада, и её нужно разгадать.

Я бросил на землю рюкзак – бесполезный хлам. Внутри лежит никому не нужный арбалет – дедовский подарок, кстати, который я наладил, чтобы поразить дракона. Оставалось только приладить медальон-наконечник к стреле и шарахнуть вовремя по цели. А теперь все планы пошли прахом. Нужно заточить его и собрать силу. Но как? Где?

Я слышал глухой стон.

Дедушка пошатнулся и едва не потерял контроль над потоком. Стихия воспользовалась этим и одна из молний хлыстом ударила его по руке.

Сердце у меня упало. Я подбежал ближе.

– Деда, держись! – закричал я. – Пожалуйста!

Дедушка стерпел боль и выпрямился. Никогда прежде и никогда после я не видел его таким величественным. Это был не тот весёлый искатель приключений, блестящий рассказчик, мудрец и добрый отец и дед, которого я знал. Мощественный чародей – таким предстал передо мной дед.

И в этот момент, готов поклясться, в центре вихря, вращающегося над дедом, показались горящие глаза и ноздри, разверзлась огромная, сверкающая молниями пасть. Из потока вырос огненный гребень. Сети бесконечно длинных крыльев простёрлись в небо. Из глубины смертельного урагана на меня взирал Электрический Дракон.

Медальон загорелся и завибрировал на груди.

– Он хочет твой медальон! – крикнул дедушка. – Это последняя стрела Перуна, оставшаяся на земле. Будь осторожен, не отдавай её!

Светящееся чудовище рванулось ко мне, но не смогло вырваться из бичей молний, которые всё ещё крепко держали руки моего деда.

Я зажал в руке медальон, сел на землю и закрыл глаза.

«Думай, – звучал у меня в голос, но на этот раз мой собственный. – Заточить дракона... заточить как джина и использовать его силу...»

Вдруг меня осенило.

Я вскочил на ноги и схватил рюкзак. Вывернул на землю содержимое, взяв единственную вещь: стеклянную банку, в

которой я держал рацию, чтобы она не промокла под проливным дождём. Я благодарил себя за находчивость не только потому, что сохранил передатчик исправным. Это был единственный шанс сделать то, что я задумал.

Я убрал рацию в портфель и отбросил его на безопасное расстояние.

Взяв только банку, я побежал в самый центр бури, к деду.

Дракон кровожадно ощерился и задёргался на молниевых бичах, стараясь измотать его и вырваться.

– Сейчас ты получишь, мерзкое отродье, – процедил я на бегу.

Я остановился метрах в десяти от деда и прикинул возможный угол атаки электрического монстра.

В последний раз взглянув на медальон, я сорвал его с шеи и поднял вверх.

– Ты это хочешь? – прокричал я дракону. – Тогда возьми! Или ты способен только на поводке сидеть?

Дракон зарычал сотней раскатов грома, и молнии яркими снопами рассыпались вокруг. Мне показалось, что я оглох, и сам не слыша своих слов заорал, что было мочи:

– Дед, отпусти!!!

Дальше всё было как в замедленной съёмке. Я видел, как пальцы деда перестали сиять, руки бессильно опустились вниз. Он за мгновение обмяк, покачнулся и повалился на землю. Сияющие ленты-бичи, державшие дракона, сверкнули вспышками и погасли. Купол стал рассеиваться.

Дракон, огромный, сияющий тысячами огней электрических разрядов, сначала взмыл в небо, а потом сложил крылья и ринулся вниз ко мне. Он летел словно горящая синим пламенем комета, а я смотрел на него во все глаза.

– Ближе, ещё ближе, – шептал я, сжимая в руке медальон.

Я уже почувствовал обжигающий ветер, несущийся от его тела, когда моя рука, державшая за спиной стеклянную банку, появилась передо мной, а пальцы левой отпустили кожаный шнурок медальона.

Стрела Перуна упала на дно банки за секунду до того, как смертельное дыхание электрического дракона обожгло мою руку.

Последнее воспоминание – онемевшими пальцами я закрываю крышку на банке. А потом – земля ушла из-под ног. Темнота.

Глава 14

Я открыл глаза и тут же зажмурился: ослепительный свет на пару минут лишил меня возможности видеть. Яркие блики без конца скакали у меня перед глазами, как я ни старался проморгаться.

Рядом со мной лежала банка буквально до краёв наполненная светом. Никакого дракона. Чистый свет. Вернее, я знал наверняка, что дракон там. Но создавалось впечатление, что он абсолютно спокоен. Должно быть, так и выглядит сила, взятая под контроль.

– Точно – джин в лампе, – я нашёл силы улыбнуться.

Неподалёку от меня застонал дедушка.

Я вскочил на ноги и бросился к нему.

– Дед, как ты?!

– Да что мне будет? – хриплым голосом проговорил он. –

Устал только немного.

– Я поймал его, деда! – я показал дедушке светящуюся банку. – И гроза закончилась. Мы всё исправили!

– Молодец, витязь, – похвалил меня дед и закашлялся. –

Но игра ещё не закончена.

Я помог ему сесть.

– Яромир, – тихо, но твёрдо сказал дед. – Не теряй со мной время. Его очень мало. Ты должен вернуть солнцу веру в лю-

дей.

– Почему времени мало? Разве я не победил главное зло? – я снова поднял банку.

Дедушка прищурился.

– Я уже сказал – дракон – не зло, Яромир. Он вершитель. Боги послали его, потому что люди перестали ценить жизнь. – дедушка перевёл дух. – Победить дракона – подвиг, а найти общий язык – искусство истинного витязя.

– Что я должен делать? – спросил я.

– Верни солнцу веру в людей, – повторил дедушка. – А дракона – богам.

– Опять ты загадками говоришь!

– Дело моё такое – голову тебе морочить, – горько усмеялся дед. – А твоё – быть героем.

Дедушка снова закашлял.

– Так, давай-ка выбираться отсюда.

Я обхватил деда рукой за спину, чтобы помочь подняться на ноги.

Старик замахал руками.

– И речи быть не может! – неожиданно грозно сказал он. – Ты уходишь один, а я остаюсь здесь.

Я хотел возразить, но он поднял руку в знак протеста.

– Времени мало, – продолжил дед. – Через три часа земля отвернётся от солнца на долгих десять часов. В следующий раз, когда оно появится невидимым фантомом на востоке, будет уже слишком поздно – дракон погибнет.

– Что? – изумился я. – Я ничего не понимаю!

– Электрический Дракон смертен, – пояснил дедушка. – Он не может долго оставаться в неволе, силы его перегорают. Пока дракон движется по небу, он живёт небесным электричеством и сам его производит. Но в твоей банке сейчас – чистая энергия. Это стихия, квазар – он не может оставаться в покое. Если ты не вернёшь дракона солнцу в ближайшие три часа, мы все обречены.

Ноги у меня подкосились. Я осел на землю.

За последние сутки во мне произошли невероятные перемены. Ещё вчера я бы поднял на смех ребят из разных клубов, рядящихся в доспехи воинов и устраивающих исторические инсталляции по древним былинам. Всё это чушь – решил бы я, – детские игры и только. А сегодня сам бегаю как угорелый по станции за электрическим драконом и пытаюсь на полном серьёзе спасти человечество – ну не бред ли сумасшедшего? Больше скажу, я уже представил себе продолжение этой истории – как мы с дедом торжественно вручаем спустившемуся с небес Перуну пойманного дракона, а он лёгким движением руки включает солнце. Расслабился уже – вот придурок! Оказывается, включение солнца тоже остаётся за мной, а я понятия не имею, как это сделать. И дракон, пойманный с таким трудом вот-вот оказывается, сдохнет...

Дедушка смотрел на меня. Видел, что я психую и ждал. Он знал меня как облупленного, мой старик. Знал наверняка, что посижу немного, набывчившись, пошвыряюсь песком,

побубню себе под нос, а потом встану и пойду делать так как он сказал. И не ошибся.

Я поднялся на ноги и взял светящуюся банку. Странно, но глаза мои почти притерпелись к её слепящему свету. А может, просто я перестал считать его агрессивным.

– Ты точно не можешь идти со мной? – умоляюще спросил я.

Дед отрицательно покачал головой.

– Где ты видел героя, путешествующего с бабушкой? – отшутился он.

Да. А мне было не до смеха.

– Вот возьми, тут есть немного воды.

Я протянул деду бутылку, которую успел прихватить перед отъездом из дома. Дед принял её и махнул мне рукой.

– Ступай, Яромир. Солнце скрыто от наших глаз, но оно над нашими головами и движется по небу в сторону заката.

Я обнял деда на прощание и мне стоило огромных усилий разомкнуть эти объятия.

А потом бросился бежать в сторону того места, где я оставил велосипед.

Пятнадцать минут гонки и я буду дома. Там моя техника, карты и надежда на спасение. Дед сказал вернуть дракона богам за три часа? Что ж, раз плюнуть! После того, что я увидел и прошёл – это просто дело техники.

Техники? Конечно! Класс!

Я несколько раз подпрыгнул на бегу. Идея, внезапно при-

шедшая в мою голову, оказалась простой как всё гениальное. «Ничего не случается просто так» – уже в который раз прозвучали слова отца в моей голове. Даже подаренный на мой день рождения телескоп не оказался случайностью. Просто космический юмор! Благодаря неслучайному стечению обстоятельств, у меня теперь был план действий.

Вот и трансформаторная будка – форпост, который мне пришлось преодолеть перед тем, как я ворвался в искрящуюся молниями оболочку купола. Теперь здесь было пустынно: ни армейских машин с радарам, ни людей в форме. Одни застывшие ветряки, невольные свидетели прошедшего безумия стихий.

Я мчался во весь опор, вспоминая свой прорыв и стаю сорок, неожиданно пришедших мне на помощь. Прыгал через глубокие колеи, оставленные в размытой дождём почве тяжёлой техникой. Горло перехватывало от прохладного ночного воздуха.

Я остановился и огляделся. Почему я не узнаю это место? Наконец, я понял в чём дело. Кусты, в которых я оставил велосипед Сёмы исчезли. Или это я потерял ориентацию в темноте?

Я поспешно достал из рюкзака банку с электрическим драконом. Моментаально стало светло.

Внутри похолодело. Кусты не пропали. Они были поломаны, смяты до основания. Земля рядом с ними была испещрена колеями. Во время снятия оцепления станции, стяну-

тая сюда тяжёлая техника в спешке снесла невысокие кусты сирени вместе с моим железным конём.

Я подошёл ближе. Искорёженный велосипед лежал в мутной жиже под обломками ветвей и ворохом увядающих листьев.

Сил держаться больше не было. Слезы затопили моё лицо.

Глава 15

Не помню, когда я так плакал прежде. Может, не хотелось, а может, стеснялся. Сейчас я стоял один посреди холодного тёмного пустыря и рыдал в голос.

Я плакал от одиночества, от обиды и бессилия. Мне хотелось услышать в голове голос деда. Любой: знакомый с детства или тот, грозный неизвестный, что принадлежал седовласому чародею, коим дед передо мной предстал, когда сдерживал буйство стихии. Но вокруг на километры стояла тишина. Звёздное небо тоже молчало. Изредка я видел в нём огненные росчерки – это со своих орбит падали и сгорали в атмосфере спутники. Каждые несколько минут мир лишался нового коммуникатора.

А я стоял, держа в руках банку с заточённой в ней великой силой, способной в одночасье уничтожить мир, и в голову лезли мысли одна глупее другой.

Что, если открутить крышку и выпустить дракона? Он, поди, зол как чёрт и разнесёт наш мир быстро и красиво. С такими героями как я и враги не нужны – не смог справиться со своей миссией, вот и будем теперь медленно умирать во тьме и сырости.

В голове снова всплыл кошмар минувшей ночи: Лиза с болезненным лицом и мрачная, ледяная реальность.

Я сжал пальцами крышку.

Но что это?

Во влажной тишине послышались хриплые позывные:

– Витязь, приём! Это Сокол. Витязь, ты жив? Приём!

– Пашка, – пролепетал я, а потом буквально вырвал рацию

из рюкзака и заорал:

– Приём, Сокол! Это Витязь.

Мой друг возликовал. Но за его голосом слышались и другие.

– Джем, ты жив! – кричал Пашка.

– Ярик! Сынок! – позвал мамин голос.

– Вот я тебе всыплю, паршивец! – радостно перебивал её отец.

Я в момент протрезвел – где-то там моя семья ждёт спасения, а я тут сопли распустил!

– Джем, ты победил дракона? – голос Пашки прерывался помехами.

Я посмотрел на уровень зарядки батареи. Осталось одно деление, и оно на моих глазах начало мигать.

– Победил, – поспешно ответил я. – Но дело ещё не закончено.

– Гроза прошла, – сказал Пашка. – По телевизору говорят, с завтрашнего дня всё наладится.

– Если за два часа я не доберусь до своего телескопа, то ничего не наладится, – сказал я. – Батарея разряжена, скоро связи со мной не будет. Велосипед сломан, так что мне при-

дётся бежать домой пешком.

– Джем, я могу... сли... ам... сти... бе, – голос Пашки летел ко мне обрывками незаконченных фраз.

– Я не слышу тебя! – кричал я другу.

– Джем,...ся...м...ро...м

Голос Пашки прервался. Батарейка на радиации села.

Нельзя унывать и терять время. Мои близкие ждут помощи. Они в безопасности в бомбоубежище с другими людьми. А мне нужно спешить.

Я накинул рюкзак на плечи и побежал по знакомой дороге в сторону дома.

Четыре с половиной километра – не так много. Если бежать трусцой с одинаковой скоростью, то минут через 30 буду дома. Осилю, ничего.

Я бежал и думал о нашем физруке Сан Саныче по кличке Лось. Сколько раз мы с ребятами проклинали его за занудный характер и неуёмное желание воспитать из нас марафонцев. Ему за удовольствие было гонять нас на уроке физкультуры от школы до ближайшего стадиона и назад. Так что свои 4 километра мы как миленькие два раза в неделю набегали. Я уже молчу про принудительную волейбольную секцию по субботам и почти добровольное участие во всех спортивных соревнованиях города.

Думал, что никогда Лося не прощу, но сейчас понимал, что бегу в правильном темпе только благодаря его маниакальной любви к профессии.

Улицы города были совершенно пусты. Автомобили так и остались припаркованными к тротуарам. Светофоры зажигались и гасли как прежде, пропуская и останавливая предполагаемых пешеходов и автомобилистов. Создавалось впечатление, что город просто спит.

Вдруг издалека показалось свечение. Шум колёс и рокот двигателя. Из темноты на меня нёсся автомобиль.

Я подумал, что военные патрулируют улицы на случай того, если кто-то из горожан не успел эвакуироваться и ищет помощи. Я решил не попадаться им на глаза и спрятаться. Но как назло, именно в этот момент я бежал вдоль длинной стены жилого дома и ни одного укромного уголка в моём распоряжении не было.

Машина была уже совсем близко, когда я заметил крыльцо, ведущее в подвал, и быстро спрыгнул туда. Притаился.

Машина остановилась рядом. Заметили – понял я. Вот и всё! Сейчас меня отвезут в бомбоубежище к остальным и ценное время будет потеряно, а там пока разберутся дракон уже отдаст концы.

– Джем! – услышал я Пашкин голос и не поверил своим ушам. – Джем, вылезай, дурила! – я не ошибся – радостная физиономия моего друга глазела на меня из окна пассажирского места.

Глава 16

Сказать, что этот момент был самым счастливым за последние сутки – ничего не сказать. Я выскочил из своего укрытия и обнял Пашку. И тут же почувствовал, как руки моего отца стиснули меня в районе пояса и подняли вверх, точно я был не вполне себе развитый подросток, а невесомый пятилетний карапуз. Отец обнимал меня, шутливо ерошил волосы и, кажется, плакал. Он что-то говорил о моём характере и упрямстве, но не ругался, а по-хорошему, гордись и радуйся.

Внезапно я вспомнил о дедушке.

– Нам надо забрать деда! Он остался там, возле ветряков.

Отец удивлённо посмотрел на меня.

– Давай пап, времени нет объяснять!

Мы быстро вскочили в машину и через пять минут доехали до того места, где я оставил деда. Но там никого не оказалось.

Я хотел начать его поиски, но время было дорого. Каждая минута на вес золота.

Мы вновь сели в машину и помчались в сторону дома.

По дороге я как мог кратко рассказал Пашке с отцом о произошедших событиях и о том, что ещё требуется сделать.

Пашка реагировал нормально. Кто бы мог подумать! Ещё

вчера он смеялся над архаичными рассуждениями деда о стихиях и древних культах, а сегодня со всей собранностью выслушивал мой рассказ о противоборстве с электрическим драконом. Но отец то и дело с опаской поглядывал на меня, беспокоясь, очевидно, что меня всё-таки разок-другой шархнуло молнией.

При этом, причастность деда к событиям мне пришлось утаить и слегка приукрасить враньём. Я отвёл ему роль спасителя, который пытался помочь в моём сложном деле. В данных обстоятельствах заявить отцу, что его тесть ведун и чародей, способный повелевать стихиями, было бы лишним. Но предъявить доказательства правдивости своих слов я был обязан.

Я просто достал банку с томящийся внутри энергией космического масштаба. Эффект был потрясающий – салон машины моментально залил яркий свет, а отец немедленно остановил машину.

– Сын... – только и смог пробормотать отец.

Он был похож на ребёнка, встретившего неземное чудо. Хотя, по сути, это так и было. Мне пришлось спрятать свой трофей, чтобы к родителю вернулся дар речи.

– Это просто невероятно! Потрясающе! Просто не идёт ни в одни ворота! – отец не мог успокоиться.

Но у меня тоже были вопросы.

Как они тут с Пашкой оказались, да ещё и на машине? Неужели их запросто отпустили из убежища съездить и за-

брать меня? Ха-ха.

Пашка взялся рассказать, как всё было.

Мой друг поведал, что всё раскрылось вскоре, после того, как я смылся из дома, прихватив Сёмин велик. Ещё некоторое время Пашка плёл маме небылицы. То я ушёл в туалет, то в гараж, потом... Впрочем, надолго его воображения не хватило. Да и мама обнаружила исчезновение велосипеда. Дом тут же обыскали и призвали Пашку к ответу.

Он выложил им всю историю без утайки, и естественно, мои бедные родители готовы были срочно броситься на мои поиски. Поэтому Пашка обездвигил родительский джип.

– Но как? – сгорал я от нетерпения.

– Проще не придумаешь – вынул и спрятал аккумулятор, – отвечив довольный собой Пашка. – Все подумали, что это сделал ты перед отъездом. Долго искали, но я хорошо спрятал.

Отец радостно поддакивал моему другу, но было совершенно ясно, в какую бездну отчаяния повергло их с мамой моё исчезновение. Я на какой-то момент совершенно случайно влез в его шкуру. Мне удалось представить, что значит потерять родного человека. Это был поразительный опыт. И снова, уже второй раз за сегодняшний день, пришло осознание – я вырос, повзрослел, я больше не такой как прежде.

– Вы не стали эвакуироваться из-за меня? – спросил я отца.

Он кивнул.

– Мы знали, что ты придёшь домой. А если не придёшь...

– отец вздохнул, – то и нам с мамой незачем спасаться.

– А ты? – я посмотрел на Пашку.

– А я был на боевом посту, – гордо сказал он. – К тому же, маму вызвали в штаб к отцу. Так что я привёл Тёмика к тебе домой, а маме сказал, что мы в бомбоубежище.

– М-да, а мне сказал, что родители разрешили тебе остаться с нами, – с упрёком сказал ему отец. – По-моему, ты побил сегодня все рекорды по вранью. А, Паш?

Отец въехал под навес гаража, и мы торопливо вышли из машины.

До невидимого глазу заката оставалось немногим более полутора часов.

Глава 17

Я буквально влетел в свою комнату, где одиноко стоял, глядя в звездное небо единственным глазом мой телескоп.

Отец рвался мне помочь советом или делом, но мы закрылись с Пашкой в комнате вдвоём. Помощь друга была для меня сейчас самой главной и ценной. Профессор носил в своей лобастой башке такое количество знаний, что мне за всю жизнь не осилить. И, к счастью, звездочтение было одним из его любимых увлечений.

Не мешкая, мы стали раскручивать телескоп таким образом, чтобы обнажилась толстая линза, стоящая почти посередине трубы. Она была необходима для нового аппарата, который мы с Пашкой намеревались собрать.

Руки мои тряслись от волнения. Еще никогда я не чувствовал себя таким счастливым и одновременно таким испуганным. Счастливым, потому что в моей голове созрел план действий, а испуганным, – потому что этот план мог оказаться провальным.

Чтобы план удался, нам нужно было максимально точно рассчитать положение солнца на небосводе. Хорошо, что Пашка имел достаточное понятие о положении солнца в экваториальной системе координат и с лёгкостью мог перевести его в горизонтальную систему для дальнейших расчётов.

Он что-то писал на тетрадном листе, вспоминал формулы для решения астрономических треугольников, бормотал про азимут, сверялся снова и снова с географическими координатами.

– Жаль, что нет чёткой методики для получения азимута и угла места положения солнца, – намного быстрее бы всё получалось, – посетовал Пашка. – Вот выберемся из этой Перуновой ловушки – сразу сяду разрабатывать систему автоматического сопровождения солнца. Оно же само по себе как мощная антенна, источник самого широкого спектра электро-магнитного излучения, так что с хорошим оборудованием будет легко за ним следить, – и не важно, видно его на небе или нет.

Я наблюдал за действиями друга, и время для меня остановилось. Как бы я хотел просмаковать каждую его фразу, расспросить про каждый хитроумный расчёт.

Пашка будет разрабатывать свою систему слежения за солнцем – отлично, а я хочу изучить природные озёра, реки и моря – картины экологических бедствий, увиденные мной в грозном куполе, не давали мне покоя. Мне нравилось думать об этом, плыть по волнам мечтаний, но время текло в обход моих ощущений и желаний. На часах светилось: 18:20. У нас всего 40 минут!

Пашка заметил, что я смотрю на часы.

– Уже скоро, Джем, не кипиши. Приготовься к операции. Когда закончу, у нас будет буквально минута, чтобы всё осу-

ществить.

Мне было ясно, о чём говорит мой друг. Положение светила меняется ежеминутно. Это особенно заметно на закате, когда светящийся шар буквально в течении пятнадцати минут тонет за горизонтом.

Я аккуратно открыл окно и подвинул вновь собранный нами из телескопа аппарат так, чтобы положение его было максимально удобным. Достал из рюкзака банку с Электрическим Драконом.

Как мирно он сиял внутри стеклянной тюрьмы. Трудно было поверить, что огромный крылатый монстр, прежде грозно паривший в небе, сейчас находится в обычной стеклянной банке из-под бабушкиного джема. И в этом снопе света заключалась и наша погибель, и вся наша надежда. Я прижал банку к груди и всем своим сердцем воззвал к Электрическому Дракону. Что-то внутри толкнуло меня мысленно вознести ему хвалу, попросить его о сокровенном: вернуться в те далёкие миры, из которых он пришёл и поведать солнцу о том, что мы ждём его и обязуемся уважать и почитать. Я говорил дракону о том, что отныне мы будем беречь природу – ведь будущее в наших руках: моих, Пашкиных, Лизиных и ещё миллионов мальчишек и девчонок, которым не безразлична наша планета.

Можно верить в сказки, а можно в них жить.

Я почувствовал внутри банки вибрацию и услышал едва уловимый гул. Он менял тональности, вибрация утихала и

становилась сильнее – дракон отвечал мне – это очевидно! Мне было неведомо что он говорил, но, слушая этот мелодичный гул, я ощущал необъяснимое чувство покоя.

– Готово, – неожиданно сказал мой друг, вернув меня к реальности.

Вот он, главный момент.

Пашка вскочил со стула и подошёл к нашему нехитрому изобретению.

– Ты в порядке? Сможешь? – спросил мой друг. – У нас нет права на ошибку.

– Да, – решительно ответил я и подошёл вплотную к установке с линзой.

Нужно, чтобы луч электрического дракона прошёл чётко через линзу и устремился настолько далеко, насколько это возможно. Главное – вывести его за пределы атмосферы земли. А дальше поле солнца притянет дракона к себе, точно магнит. Посланник небес станет посланником человечества, лучом надежды, маяком, который осветит все четыре лика Солнца. И оно снова вернётся к людям.

Я почувствовал на своём плече тёплую руку и сразу узнал её.

– Дед! – обрадовался я.

– Я бы это шоу не пропустил, – подмигнул он мне.

Мама с отцом тоже стояли неподалёку. Они ободряюще

улыбались, вселяя в меня уверенность перед последним шагом.

– Давай, друг, – сказал Пашка, держа в руках бегущий секундомер.

Я как во сне поднёс банку плотнее к линзе и в последний раз мысленно обратился к дракону:

– Лети! Передай привет солнцу!

Я зажмурился и скользнул пальцами по крышке банки.

В ту же секунду в моих руках сверкнула вспышка. Мне показалось, что мир уплывает от меня, или я уплываю от него. Что больше нет Джема, а есть гигантский сноп света, огненный дракон, который летит за 150 миллионов километров к ушедшему солнцу со скоростью света в 299 792 458 км./ч.

Я отключился и провалился в странное забытье.

Мне виделось спящее солнце в центре солнечной системы, ещё не остывшее, но почти утратившее жизнь. Я видел луч электрического дракона, соприкоснувшийся с его пока тёплыми боками и разбежавшийся по ним тысячами всполохов.

А через мгновение произошло чудо: самый центр светила засиял, завертелся золотым коловратом, и солнце заискрилось миллиардами световых фонтанов: жёлтых, оранжевых, красных, белых, золотых! Во все стороны потёк от него тёплый свет навстречу озябшим планетам. Навстречу Земле и мне. Я тянулся к солнечному свету, принимал, впитывал его каждой клеткой. Никогда прежде я так не радовался ему.

Моё видение было столь реальным, что я буквально физически чувствовал тепло на своей щеке.

Я открыл глаза. Вокруг было светло. Я увидел окно, на котором стоял мой телескоп... вернее, то, что от него осталось.

Да, из окна лился свет! Настоящий! Дневной свет!

Я понял, что лежу на своей кровати. Видимо, мои близкие уложили меня сюда, когда я потерял сознание.

Сесть, а тем более встать у меня получилось с усилием. Видно, приключения порядком меня измотали.

Я подошёл к окну и взял в руки пустую банку, которая еще недавно служила домом дракону, а теперь моего светлого друга внутри не было. Странно – за несколько часов я успел сменить к нему полную гамму чувств: от страха и ненависти до любви и тихой грусти от разлуки с ним.

С улицы доносились радостные крики людей. Они возвращались в свои дома и праздновали жизнь.

Дверь комнаты отворилась и на пороге появился отец. Чисто выбритый, в яркой летней рубашке. Он глубоко дышал и улыбался.

– Сын! – он подскочил ко мне и подхватил меня на руки. – Это чудо! Это настоящее чудо! А ты у нас герой!

– Да, пап, – согласился я и с удовольствием сощурился, подставляя лицо яркому свету. – Только поставь меня на планету, пожалуйста.

Отец выполнил мою просьбу, но не мог успокоиться. Он

ходил взад-вперед, вспоминал и рассказывал отрывки из вчерашних происшествий. Признаться, я не слушал его. Я смотрел на солнце. Оно было таким же, как и прежде. Словно не было этих ужасных суток во тьме и отчаянии.

Потом пришла мама с подносом в руках. На нём стояла тарелка с пирогом, сосисками и яйцами всмятку – всё как я люблю, только в двойном объёме.

Я пытался объяснить ей, что я не болен и не нуждаюсь, чтобы меня кормили с ложечки. Но мама всё равно уложила меня в постель и водрузила мне на колени увесистый поднос.

К моему удивлению, родители заявили, что я проспал более полутора суток. А мне-то казалось, что забытьё длилось всего час-другой.

Следом вошли дед и Пашка.

Мой старик, как и прежде, держался роли обычного среднестатистического дедушки. Он расспрашивал нас о событиях вчерашнего дня, которых он якобы не видел, искренне удивлялся услышанному и вообще всеми возможными способами демонстрировал свою непричастность к минувшим событиям.

Мама купилась на его игру, отец – тоже. Но кто-кто, а мы с Пашкой хорошо знали о роли старого ведуна во всей этой истории. И всё же помалкивали, хитро переглядываясь. Мы с другом договорились узнать все подробности о столь тщательно скрываемой до последнего времени натуре деда. Ему не сойдёт с рук эффектное перевоплощение в белого чаро-

дея Славигора из рода Синего кедра, кажется, – это я вам обещаю!

Но больше всего этим утром меня удивил Пашка. Он явился ко мне в майке с огромным принтом, изображающим меня любимого в фантастических воинских доспехах с молнией в руках, а сверху надпись: "ЯРОМИР МОЛНИЕНО-СЕЦ".

– Это что за народное творчество? – рассмеялся я.

– А что? – друг осмотрел свою обновку. – Фотошоп рулит!

– И как же твой любимый Бэтмен?

– С Бэтменом покончено, – твёрдо сказал Пашка. – У нас свои герои есть. К тому же, не выдуманные, а настоящие.

– Тогда быть тебе Соколом! – ответил я.

– Знаешь, это всяко лучше, чем Профессор, – улыбнулся Пашка. – Уж больно заумно было и даже хвастливо, что ли. А сокол – это наша птица, степная, вольная, – мечтательно сказал он.

– И умная, – добавил я.

Мой друг сокрушался, что учёные увидели в минувшем конце света всего лишь необъяснимое природное и космическое явление. Все считают, что оно появилось и исчезло, само собой. Я уже говорил в начале, что он пытался рассказать людям правду. Даже писал журналистам. Но никто не принял всерьёз бредни тринадцатилетнего пацана. Электрический Дракон был реальностью только для нас.

Но мне всё равно, что думают учёные и журналисты.

Я вовсе не чувствую себя героем, нет. Просто я сделал то, что зависело от меня. От нас вообще многое зависит. Правда! В жизни столько раз попадаются возможности кому-то помочь. Чтобы стать героем, не обязательно спасать мир. Достаточно быть начеку: замечать несправедливость, откликаться на просьбы о помощи, беречь свою планету. Тогда Электрический Дракон не прилетит снова и никогда не будет конца света.

Знаете, что я загадал, когда задувал свечи на торте в день рождения?

Я хотел стать героем для Лизы.

И моё желание исполнилось. Но важнее то, что сам я понял, на что способен.

Позже, когда я привёл себя в порядок и спустился в столовую, меня ждал сюрприз: целая орда друзей и одноклассников приветствовала меня криками и весёлым улюлюканьем. Только Лиза молча смотрела на меня и улыбалась. Как-то по-новому. А потом подошла, взяла за руку и поцеловала в щёку. В жизни я не был так счастлив! И так смел. Это был лучший момент, чтобы признаться Лизе в любви. Я уже открыл рот, чтобы сказать ей об этом, как ко мне подлетел Сёма.

– Чувак, дай я пожму твою руку! – с восторгом сказал он. – Ты нереально крутой! Как ты оседлал дракона, а потом летал на нём к Перуну! Вау! Это просто бомбически! Профессор мне всё рассказал.

Я уставился на Пашку, но тот сделал вид, что не заметил.

– Сокол, – исправил он. – Не Профессор, а Сокол и правая рука Витязя Яромира Молниеносца.

– Ну Сокол так Сокол, – согласился Сёма. – Надо теперь и мне придумать себе прозвище.

– А тебе-то зачем? – усмехнулся Пашка.

– Как это зачем? – удивился Сёма. – Если бы не мой велик, то хана бы вашему плану! Я ж, вот честно, что-то чувствовал, когда оставлял его у тебя под дверью. Предвидел! – на ходу сочинял он и важно заключил: – Да, я теперь буду Семён Всезрящий!

Я, Пашка и Лиза расхохотались. Надо было видеть лицо Сёмы, чтобы понять, что в его воображении ни я, ни Пашка уже не были главными героями истории – Семён Всезрящий занял пьедестал почёта.

– Да, Сём, спасибо за велик, – сказал я. – Не знаю, смогу ли я купить тебе новый...

– Забудь, брателло, – прервал меня Сёма и похлопал по плечу. – Это был мой скромный вклад в спасение планеты.

С этими словами истинный герой важно направился рассказывать остальным новые детали героической саги об Электрическом Драконе.

Потом мы пили чай с печеньем, которое напекла Свети-на мама, и я поймал себя на ощущении, что снова праздную свой день рождения. Дед Гриша опять рассказывал древние легенды, но для меня они перестали быть сказками из про-

шлого. Они говорили кем я стану в будущем.

Внезапно я почувствовал знакомый жар и пульсацию в груди. В том самом месте, где я прежде носил медальон с Громовиком. Словно его неведомая сила звала меня. Но как такое возможно? Я же отдал наконечник стрелы Перуна дракону, и его огонь не должен меня жечь...

За столом продолжалось веселье, но мне было не до этого – жар в груди становился нестерпимым до боли.

– Яромир, – обратился ко мне дед. – Будь добр, сынок, принеси из своей комнаты мою куртку. Что-то мои старые косточки мёрзнут, – лукаво подмигнул он мне.

Я буквально выскочил из-за стола и поспешил к себе в комнату.

Ещё не пересекая её порог, я задрал майку и остолбенел. Прямо в центре груди, в том месте, где прежде покоился медальон с Громовиком, сиял неведомый знак.

Я вошёл в комнату и присел на кровать. Ноги дрожали, живот свело.

Знак на груди казался нарисованным, но по всем его чертам бегали огненные всполохи. Я притронулся к нему пальцами, и тут же вся комната озарилась ослепительным светом. Мои руки точно прилипли к знаку, всё тело онемело. Я старался осмотреться и понять, что происходит, но не мог. Как нельзя ничего увидеть в крошечной тьме, так и в этом ослепительном сиянии я не различал ни единого предмета. Напротив, свет заставил меня зажмуриться до боли в глазах.

– Прими свой новый талисман, славный витязь, и свою Стезю, – услышал я громоподобный голос.

– Это ты, Электрический Дракон? – спросил я. – Ты вернулся?

– Не дракон, – ответил голос. – Я вестник. Посмотри на меня, Яромир Молниеносец.

«Во что я снова влип?» – подумал я, открывая глаза... и тут же понял кто передо мной и где я очутился.

